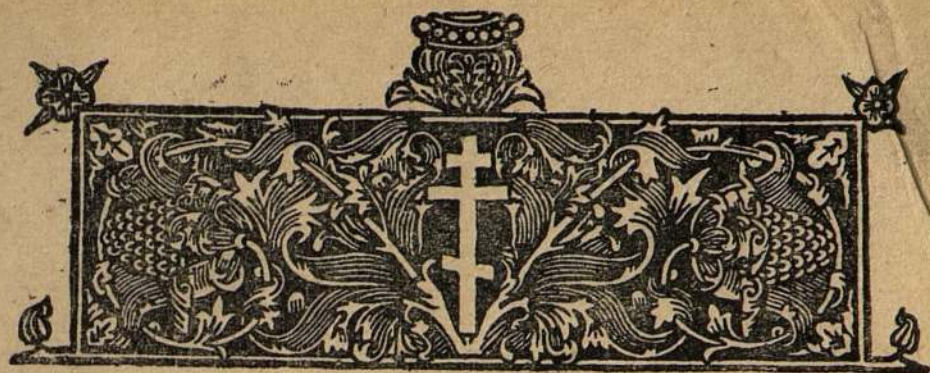
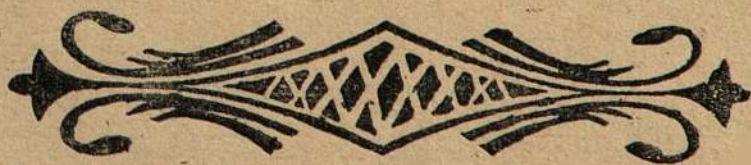

**ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ**

4

1948

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

№ 4

АПРЕЛЬ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1948

Официальная часть

ОТ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Почтившим меня поздравлением с днем Ангела Преосвященным Архипастырям, Настоятелям церквей, монашествующим и мирским людям выражаю мою искреннюю благодарность за память и молитвы, и взаимно шлю Архипастырям братский о Христе привет, и всем прочим Божие благословение.

АЛЕКСИЙ, ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ.

12/25 февраля 1948 г.

Церковная жизнь

РЕЧЬ

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

при вручении жезла

НОВОПОСТАВЛЕННОМУ ЕПИСКОПУ ПОРХОВСКОМУ ВЛАДИМИРУ

в Никольском соборе г. Ленинграда 7 марта 1948 г.

Преосвященный Епископ Владимир, возлюбленный о Господе брат и сослужитель!

Милосердием Божиим призванный к высокому служению в Церкви Божией в сане епископа, ты ныне в святом таинстве получил освящение и благодатные дары к несению епископского подвига.

Мы радуемся вместе с тобою этой благодати, данной тебе, а также и за тебя радуемся, что ты «радуешься с трепетом»; и в этом видим залог того, что ты будешь «работать Господеви со страхом».

Ты сетуешь на то, что ты не причастен был науке. Но выше всех наук — наука тебе ведомая, перед которой меркнут земные, человеческие неверные, колеблющиеся знания. Это — наука веры, которая преподается Церковью и которую изучают люди, живущие в недрах Церкви. Это — наука о том, как проходить земное поприще, чтобы приготовиться к великому ответу на страшном суде Христовом, а для пастырей — и как паству свою приготовить к этому ответу.

Это — наука о том, как стяжать любовь к Господу, которая бы руководила человеком и освящала все действия его на земле. Тебе Бог судил проходить эту науку с юных лет в святой обители, учиться послушанию, смирению, терпению, благоговению, всецелой преданности воле Божией. Это была первая ступень к тому поприщу, на которое звал тебя Промысл Божий.

Затем тот же Промысл привел тебя к служению пастырскому посреди мира. Здесь ты научился целить больные души человеческие; научился уметь духовно помогать страждущему, скорбящему, согрешающему и кающемуся, поддерживать унывающего.

Наконец, Господь тебя снова привел в обитель иночествующих; сначала в Лавру Преподобного Сергия и затем в Печерскую обитель, в которой тебе предстоит служить в сане епископском.

Вот это — истинная наука, которая дает человеку драгоценное познание путей вечного спасения.

Святый Максим Исповедник о качествах епископа говорит: «Качеством епископа является освящение ума миром богопоклонного ведения Святыя Троицы»; иначе говоря, качество епископа должно быть высшее помазание и такое ведение Святыя Троицы, которое было бы вместе с тем и непрестанным Ей поклонением. Кто назовет мне такую науку, которая научила бы этому епископа?

Я знаю твое усердие к службе Божией, твою ревность и благоговение. Знаю и то, что ты не приобщился скверне раскола, охватившего было всю нашу Православную Церковь; и что на тебе нет пятна измены Христу, Его заповедям, предстательства Церкви. Господь прощает и Церковь принимает каждого кающегося. Но как некоторые телесные болезни поражают состав человека смертною язвою, так же точно и тяжкие грехи и соблазн, ими вносимый, оставляет темный след в душе человека; и потребны поистине Петровы слезы, чтобы омыть их; и денно-нощное сокрушение и покаяние.

Благодать охраняющая оградила тебя от причастия этому соблазну, и в этом мы видим залог и надежду на то, что и в дальнейшем твоём служении ты будешь неизменно верен Христу усердным служением Ему и Церкви Его.

Тебе, боголюбезный брат, еще не широкое открывается поприще епископского делания. С надеждою вступи в него и с верою о Укрепляющем тебя Иисусе. Будь верен твоему Архипастырю, Преосвященному Митрополиту Григорию, и не упускай пользоваться его советами и его мудрым руководством.

Как внешнее знамение епископской власти прими сей жезл, и да даст тебе Господь жезл силы и да узриши благая горняго Иерусалима.

И теперь, от полноты благодати, преподай твое первое архипастырское благословение сим людям Божиим, из которых многие вместе с тобою переживали тяготы осады города, и, быть может, в твоих пастырских молитвах почерпали утешение и облегчение в скорби.

СЛУЖЕНИЯ СЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ

Январь

1 января¹. В ночь с 31 декабря на 1 января 1948 г. Сятейший Патриарх Алексий служил новогодний молебен в Патриаршем Богоявленском соборе в сослужении соборного причта. Перед началом молебна Сятейший Патриарх обратился со словом к молящимся, которые во множестве собрались освятить молитвой наступающий год.

6 января. Навечерие Рождества Христова. Божественную Литургию Сятейший Патриарх Алексий совершал в Богоявленском соборе в сослужении соборного духовенства.

7 января. Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Сятейший Патриарх Алексий служил Рождественскую утреню в два часа ночи и тотчас же после нее божественную Литургию также в Богоявленском соборе.

11 января. Воскресенье. Его Сятейшество Патриарх Алексий совершал божественную Литургию в Патриаршем соборе в сослужении соборного причта и делегацией от Албанской Церкви в составе: архимандрита и двух священников. Служба происходила на церковно-славянском и греческом языках.

18 января. Навечерие Крещения Господня. Сятейший Патриарх Алексий служил в Богоявленском соборе вечерню с великим освящением воды при участии соборного причта. Вечером этого же дня Его Сятейшество там же служил всенощное бдение.

19 января. Крещение (Богоявление) Господне. Сятейший Патриарх Алексий в сослужении соборного духовенства совершал божественную Литургию, после которой было также совершено праздничное освящение воды.

24 января. День рождения Сятейшего Патриарха Сергия. Его Сятейшество Патриарх Алексий служил панихиду с участием соборного духовенства на могиле в Бозе почившего Сятейшего Сергия в Никольском приделе Богоявленского собора.

25 января. Воскресенье. Божественную Литургию Сятейший Патриарх Алексий совершал в храме Св. мученика Иоанна Воина на Б. Якиманке по случаю пятидесятилетнего юбилея настоятеля храма протоиерея Александра Георгиевича Воскресенского. В сослужении участвовал местный причт и московские священники, пришедшие приветствовать юбилея. Его Сятейшество Патриарх Алексий отметил пастырский юбилей настоятеля, возложив на него второй наперстный крест и приветствовал его в прочувственном слове.

¹ Все даты даны по новому стилю

Церковное торжество прошло при громадном стечении молящихся, которым Святейший Патриарх преподал благословение по окончании богослужения.

Февраль.

4 февраля. День интронизации Святейшего Патриарха Алексия. В трехлетний юбилей своего Патриаршества Его Святейшество совершал божественную Литургию в Патриаршем Богоявленском соборе в сослужении соборного духовенства и московских благочинных.

Слово, подобающее празднуемому событию, произносил во время запричастного стиха Преосвященный епископ Ростовский и Таганрогский Сергей. По окончании Литургии был отслужен торжественный благодарственный молебен соборне с иерархами и сонмом московского духовенства, поздравлявших Святейшего Владыку.

7 февраля. Празднование иконе Божией Матери «Утоли моя печали». Его Святейшество Патриарх Алексий совершал божественную Литургию в храме Святителя Николая на Ново-Кузнецкой улице у чудотворной иконы Царицы Небесной. Перед молебном Святейший Патриарх произнес проповедь и по окончании богослужения преподал молящимся благословение.

14 февраля. Св. мученика Трифона. Святейший Патриарх Алексий совершал божественную Литургию в храме иконы Знамения Божией Матери в Переяславской слободе у чудотворной иконы Святого Мученика Трифона в сослужении местного причта и гостей. Святейший Патриарх говорил проповедь и по окончании богослужения благословил молящихся.

В этот же день вечером Его Святейшество Патриарх Алексий служил всенощное бдение в Богоявленском соборе в сослужении соборного духовенства.

15 февраля. Сретение Господне. Святейший Патриарх Алексий совершал божественную Литургию также в Богоявленском соборе.

18 февраля. Празднование иконе Божией Матери «Взыскание погибших». Божественную Литургию Его Святейшество Патриарх Алексий совершал в храме Воскресения в Брюсовском пер. у чудотворной иконы Царицы Небесной. Перед молебном Святейший Патриарх произнес проповедь и по окончании богослужения преподал молящимся благословение.

25 февраля. Святителя Алексия, Митрополита Московского. День тезоименитства Святейшего Патриарха Алексия. Этот праздник был отмечен в Богоявленском Патриаршем соборе церковным торжеством, специально описанном в нашем журнале.

Всенощное бдение Его Святейшество Патриарх Алексий служил соборне с Высокопреосвященным Митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, Киевским и Галицком, Экзархом всея Украины, Иоанном, Ленинградским и Новгородским Григорием, архиепископами и епископами, прибывшими к этому дню в Москву. Кроме того, в сослужении принимали участие 24 священника и 14 диаконов московских храмов.

Божественную Литургию Святейший Патриарх Алексий совершал также соборне с Высокопреосвященными Митрополитами Крутицким и Коломенским Николаем, Экзархом Киевским и Галицким Иоанном, Ленинградским и Новгородским Григорием, архиепископами и епископами, 10 священниками и 14 диаконами. За Литургией была совершена хиротония архимандрита Андрея во епископа Черновицкого.

За Литургией во время запричастного стиха слово, приличествующее празднику, произнес Высокопреосвященный архиепископ Филипп. По окончании Литургии был отслужен торжественный молебен, в котором участвовали все присутствующие архиереи, а также настоятели московских храмов и приезжее духовенство. С приветствием Святейшему Патриарху от лица Русской Православной Церкви выступил Высокопреосвященный Митрополит Иоанн.

По окончании богослужения Его Святейшество при вручении жезла произнес наставление новопоставленному Преосвященному епископу Черновицкому Андрею. В тот же день вечером перед мощами Святителя Алексия Святейшим Патриархом Алексием после вечерни был отслужен молебен с чтением акафиста. В вечернем богослужении участвовали Высокопреосвященный Митрополит Киевский и Галицкий Иоанн, архиепископ Астраханский и Сталинградский Филипп, Чкаловской и Бузулукский Мануил, Минский и Белорусский Питирим, епископ Свердловский Товия, Черновицкий Андрей и соборный причт.

КОНЧИНА ИЕРАРХА

4 марта 1948 г. в Печерском монастыре Псковской епархии скончался от кровоизлияния в мозг Преосвященный ГЕОРГИЙ (Садковский), бывший епископ Порховский, пребывающий на покое в означенном монастыре.

Покойному было 52 года от роду. Отпевание почившего было совершено Преосвященным Владимиром, епископом Порховским 9 марта 1948 г.

НАЗНАЧЕНИЯ НА АРХИЕРЕЙСКИЕ КАФЕДРЫ И ПЕРЕМЕЩЕНИЯ АРХИЕРЕЕВ

На кафедру епископа Черновицкого и Буковинского Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен архимандрит Андрей (в мире Евгений Александрович Сухенко).

23 февраля 1948 г. в Зале заседаний Священного Синода было совершено наречение архимандрита Андрея во епископа Черновицкого и Буковинского. Чин наречения совершали: Патриарх Московский и всея Руси Алексий, Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, Митрополит Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, Иоанн, Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий, архиепископ Башкирский и Уфимский Иоанн, архиепископ Чкаловский и Бузулукский Мануил, архиепископ Днепропетровский и Запорожский Андрей, архиепископ Минский и Белорусский Питирим, епископ Челябинский и Златоустовский Ювеналий, епископ Можайский Макарий, епископ Свердловский и Ирбитский Товия, епископ Калужский и Боровский Онисифор.

25 февраля 1948 г. в Богоявленском Патриаршем соборе за божественной Литургией была совершена хиротония архимандрита Андрея. Хиротонию совершали: Патриарх Московский и всея Руси Алексий, Высокопреосвященные Митрополиты: Крутицкий и Коломенский Николай, Киевский и Галицкий, Экзарх Украины, Иоанн, Ленинградский и Новгородский Григорий, архиепископы: Астраханский и Сталинградский Филипп; Уфимский и Башкирский Иоанн; Чкаловский и Бузулукский Мануил; Днепропетровский и Запорожский Андрей; Минский и Белорусский Питирим и епископы: Челябинский и Златоустовский Ювеналий, Можайский Макарий, Свердловский и Ирбитский Товия; Калужский и Боровский Онисифор; Казанский и Татарский Гермоген; Ташкентский и Средне-Азиатский Гурий и Житомирский и Овручский Александр.

**
**

На кафедру епископа Порховского, викария Псковской епархии Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен наместник Псковско-Печерского монастыря архимандрит Владимир (Кобец), с утверждением его настоятелем Псковско-Печерского монастыря.

6 марта 1948 г. в Никольском соборе г. Ленинграда было совершено наречение архимандрита Владимира во епископа Порховского, викария Псковской епархии. Чин наречения совершали: Патриарх Московский и

всего Руси Алексий, Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий и епископ Лужский, викарий Ленинградской епархии, Симеон.

7 марта 1948 г. в Никольском соборе г. Ленинграда за божественной Литургией была совершена хиротония архимандрита Владимира. Хиротонию совершали: Патриарх Московский и всего Руси Алексий, Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий и епископ Лужский, викарий Ленинградской епархии, Симеон.

На кафедру епископа Великолукского и Торопецкого Святейшим Патриархом Алексием и Священным Синодом назначен епископ Михаил (Рубинский) бывший Кировоградский, в виду окончания возложенной на него епитимии.

Святейшим Патриархом и Священным Синодом ПОСТАНОВЛЕНО: Епископом Красноярским, викарием Новосибирской епархии назначить епископа Иоанникия (Сперанского);

На кафедру епископа Херсонского и Одесского переместить Преосвященного Фотия, архиепископа Орловского и Брянского.

На кафедру епископа Орловского и Брянского переместить Преосвященного Николая, бывшего Ижевского и Удмуртского.

На кафедру епископа Ижевского и Удмуртского переместить Преосвященного Иеронима, епископа Рязанского и Касимовского.

На кафедру епископа Кировоградского и Николаевского переместить Преосвященного Феодосия, епископа Черновицкого и Буковинского.

речи, проповеди

СЛАВА

Слово,

сказанное в Воскресенской церкви, что в Брюсовском переулке
г. Москвы, в праздник иконы Божией Матери «Взыскание погибших»

„Матерински помилуй нас, да славим Тя
во веки“

Эти слова мы слышали в одной из молитв нашей сегодняшней службы.

В книге Деяний Апостольских повествуется, что в речи, обращенной к начальникам иудейского народа, апостол Петр сказал: «Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12). Он говорил об имени Господа Иисуса Христа.

Другой первоверховный апостол — Павел в послании к филиппийцам говорит об Иисусе Христе: «Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы перед именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних» (Филипп. 2, 9—10).

Оба апостола единодушно говорят нам о том, что нет имени дороже, ближе, роднее сердцу верующего человека, нет имени выше, чем имя Иисуса Христа. О, конечно, и сердце каждого из нас говорит нам об этом! Господь Иисус Христос — это наш Учитель, проповедующий нам «глаголы вечной жизни» (Ио. 6, 68). Он — наш Спаситель, взявший на Себя грехи всех людей и, значит, каждого из нас и пострадавший за нас на конце Своего земного подвига. Он — Начальник нашей веры и основатель и глава той Церкви Христовой, к которой мы все имеем счастье принадлежать. Апостол Павел называет Церковь Христову телом, в котором каждый из нас является малым членом, а глава этого великого духовного тела — Господь Иисус Христос (Еф. 1, 22—23). Он — и наш нелюбимый и праведный Судия на последнем и страшном Своем Суде.

Кто же может быть выше Его? Наша мысль бежит дальше. Чье же имя после Его имени может быть выше имени Той, Которая послужила нашему спасению и была Матерью Господа Иисуса Христа?

Святая Церковь так и учит, так и исповедует, что для христианина после имени Сладчайшего Господа самым дорогим и близким именем является имя Преподобной Девы Марии.

Руководимые словом Божиим, заветами апостолов и всей первохристианской Церкви, мы окружаем имя Божией Матери величайшей сла-

вой и преклоняемся перед Ней с чувством величайшего благоговения. Начало этой славы Божией Матери и благоговейной любви к Ней людей восходит своими истоками ко времени земной жизни Господа Иисуса Христа и первым дням бытия на земле Церкви Христовой.

Вы помните, кто первый воздал хвалу Божией Матери? Вероятно, Ее славили и пастухи, пришедшие поклониться Новорожденному Младенцу в Вифлеемскую пещеру. Вместе со своими дарами дань хвалы отдавали Ей и пришедшие из далеких стран волхвы. Но слова этой хвалы мог слышать только праведный обручник Иосиф. Кто же первый воздал Ей открытую хвалу перед лицом народа? Евангельское чтение за каждой божественной Литургией в праздник в честь Божией Матери нам об этом напоминает. Оно говорит о первом открытом ублажении Божией Матери, принесенном людьми к Ее ногам.

Это было во время одной из проповедей Господа Иисуса Христа. Наверное, в глубокой тишине, затаив дыхание, толпа внимала этой проповеди. И вдруг одна из женщин, имя ее осталось неизвестным, из глубины своего переполненного до краев восторгом сердца вскрикнула: «Блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие» (Лк. 11, 27). Так воскликнула одна женщина, но, несомненно, она говорила от лица всех плененных проповедью Спасителя.

Что женщина хотела сказать этими словами?

«Блаженна Мать такого Проповедника, Который покорил нас, Который зовет нас из оков житейской суеты, из душевной атмосферы страстей и пороков на чистый воздух жизни с Богом, зовет нас к счастливой бесконечной жизни, не знающей конца. Он пробудил в наших сердцах жажду истинного счастья и ведет нас по пути к нему.

Но Он — не только Проповедник. Он — Великий Чудотворец. Неиссякаемыми потоками изливается из Него любовь и всепрощение. Он исцеляет больных на наших глазах, Он возвращает зрение слепым. Он воскрешает мертвых, Он творит чудеса и в душе человека: к Его ногам приходят плачущие блудницы и, прощаемые Им, встают рожденными для новой чистой жизни. Как же счастлива Та, Которая родила этого необыкновенного и чудного Проповедника и Чудотворца!

И сам Он — необыкновенный человек. В Своем собственном лице Он открывает нам такую духовную красоту, какой мы еще никогда не видели, какой, несомненно, не видели и наши предки. Он — носитель этой красоты: смиренный и кроткий, чистый, без единой пылинки греха, любвеобильный и сострадательный. Воистину блаженно чрево, родившее Того, за Кем мы идем, трепещущие восторгом перед Его образом, Его речью и Его делами».

Так, вероятно, думала и это, вероятно, переживала женщина, первой воздавшая хвалу Божией Матери. Несомненно, то же переживали и другие в толпе, окружавшей Спасителя. Но еще многого не знала эта женщина и те, от лица которых она произносила свою хвалу. Многое открылось потом. Люди узнали, что этот Божественный Проповедник и Чудотворец — обещанный пророками Мессия, Спаситель мира, Сын Божий. За грехи всех людей Он дал Себя распять на Голгофском кресте и облил его Своей бесценной кровью. Божия Мать была безмолвной свидетельницей этих мучений и Сама была страдальцей у подножия этого креста. И Она бесценно дорога для нас и как Мать Божественного Учителя, и как Мать Того, Кто ценой Своих страданий и крестной смерти дал нам право на вечное блаженство.

Как нам не украшать Ее имени славой и почитанием? Ведь нет для православного христианина ничего дороже и священнее дела спасения своей бессмертной души для вечности. А Она — Мать Того, Кто нам это спасение дает.

После Голгофы еще больше открылось людям о Ней. Открылась Ее собственная возвышенная духовная красота, скрытая в дни земной жизни Господа Иисуса Христа. Ведь до вступления Спасителя на Его общественный подвиг почти никто и не знал о Божией Матери, воспитавшей Божественного Сына. В дни же земного служения Спасителя людям Она, по Своему величайшему смирению, держала Себя в тени и даже не всегда сопутствовала Своему Сыну.

После Вознесения Спасителя на небо апостолы и первые христиане уже открыто преклонялись перед смирением, долготерпением, преданностью воле Божией, чистотой и любовью Матери Сына Божия, Ее духовными совершенствами, Ее красотой.

А дальше Церковь Христова узнала о Ней еще больше. После того как своей душой, а затем и телом Она отошла к Своему Сыну, началось Ее небесное Материнство. Всему миру были открыты и необъятный покров этого Ее святого Материнства над верующим в Ее Сына человечеством, и вся глубина Ее изобильной любви к людям. После данного Ею апостолам обещания пребывать с ними во все дни не было и нет ни одного верующего сердца, которое не ощущало бы Ее близости к нам и Ее любви.

В жизни христианина нет такого момента, когда бы его сердце не имело бы потребности обращаться к Божией Матери с верой и надеждой. Мы, грешные, грязные в своих грехах, трепещущие перед мыслью о своей вечной гибели, ищем для себя спасения из греховной бездны, в которую мы впадаем, и прощения своих беззаконий. Мы идем за этим прощением к ногам Христовым, мы просим о нем своего Небесного Отца и мы верим, что Он ни одному из кающихся грешников никогда не откажет в этой милости Своего прощения. Тот, Кто прощал блудниц, плакавших у Его ног, озарил радостью прощения благоразумного разбойника, Тот не оттолкнет и никого из нас от Себя.

Но, опуская свой взор в глубину своего сердца и видя многое множество своих прегрешений, мы на этом пути к Спасителю за прощением хотим иметь крепкую защиту, надежное заступничество за нас перед лицом Божиим, — и мы их имеем в лице Божией Матери. Ее святые иконы мы называем: «Взыскание погибших», «Споручница грешных», и мы веруем в Ее материнское посредничество в наших молитвах о прощении. Многочисленными чудесными знаменами, посылаемыми нам через эти святые иконы. Она оправдывает нашу веру и свидетельствует о Своих заботах и молитвах о грешниках.

А кто из нас не хочет радости, кто о ней не думает, кто к ней не стремится? И кто не хочет радости нечаянной, неожиданной, когда, может быть, нет никаких человеческих надежд на получение того, к чему стремится и чего страстно хочет сердце? Кто из нас не ищет в скорбях утешения, в болезнях исцеления, в бедствиях жизни земной — облегчения и избавления? И верующее сердце знает, куда обратиться за этой радостью и поддержкой. Оно называет Ее святые иконы: «Всех скорбящих радость», «Нечаянная радость», «В скорбех и печалех утешение».

Называя Ее так, православное сердце непоколебимо верует в то, что Она неиссякаема в раздаянии людям утешений и подкреплений на их жизненных путях. Ведь это только Она одна, как наша любвеобильная Мать, могла благословить назвать Себя «Нечаянной Радостью» в одной из Своих икон.

А сколько испытаний пережила на протяжении истекших веков наша родная земля! Сколько раз тучи военной бури сгушались над ее равнинами и лесами, и враги простирали свои кровавые руки, чтобы русский народ истребить и полонить. Куда обращалось русское верующее сердце

в години этих испытаний? Оно знало, к кому обратиться. Оно искало защиты у Той, Которую издавна Православная Церковь величает «Взбранной Воеводой». Русский верующий народ обращался к Той, Которую Русская Церковь в Казанской иконе называет «Заступницей Усердной», в Смоленской иконе — «Предстательством христиан непостыдным», во Владимирской иконе «Пречудной Владычицей». Этими чудотворными иконами: Казанской, Владимирской, Смоленской, Донской русское воинство осеняло себя перед началом боев, перед ними плакали русские люди, провожая воинов на поле брани. И мы знаем из истории нашей Руси, как силою молитв верующего народа и помощью Божией Матери с честью миновали эти испытания.

Русское православное сердце особенной любовью любит свою Небесную Мать. К этому Источнику любви оно обращается с бесчисленными словами наших молитв и песнопений. Чье православное сердце и чьи уста не шепчут в святом храме этих всем известных молитв: «Милосердия двери отверзи нам», «Под Твою милость прибегаем», «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды»?

Самые ласковые, самые нежные слова, какие только можно найти в нашем языке, мы относим к Божией Матери, и из таких слов сплетаются, как тонкое кружево, многочисленные акафисты и каноны, посвященные Божией Матери.

Каждый праздник в честь Божией Матери и Ее святых икон — это священный день для верующего сердца. С особой силой мы ощущаем в эти дни Ее любовь к нам и хотим свою любовь к Ней выразить за нашими праздничными службами, посвященными Ей. Эти службы напоены словами хвалы, славословия, благодарения, мольбы и нашей любви к Ней.

Слава Ее не знает границ. Она обошла всю землю, и нет такого уголка на земле, где бы в храме и в каждом верующем сердце не воспевалась эта слава. Как и слава Ее имени, так и любовь Ее к нам не знает пределов. И за эту Ее любовь верующее человечество отвечает Ей своей преданной, благоговейной, сыновней любовью.

Но, стоя у подножия нашего дорогого и родного сердцу каждого из нас образа «Взыскания погибших», хочется сказать и о другом. Божия Матерь ждет от нас прославления Ее святого имени не только из наших уст и из наших сердец. Конечно, Она и наши словесные хвалы принимает с любовью, потому что знает, что они исходят из искренних и любящих Ее сердец. Но ждет Она от нас и другого. Прижимая к Своей Материнской груди Божественного Младенца на святой иконе, Она, несомненно, хочет, чтобы мы были достойными детьми рожденного Ею Сына. Она — взыскание погибающих и погибших, и Она молится о том, чтобы мы, погибающие и погибшие, стали спасаемыми и спасенными. На пути к этому спасению мы должны «совлекшись ветхого человека с делами его» (грехами), «облекаться в нового» (Кол. 3, 9—10; Еф. 4, 22—24), украшать себя чистотой и смирением, лаской и приветливостью, забвением обид и состраданием чужому горю.

Неужели мы до сих пор, а многие из нас уже давно перешли половину своей жизни и приближаются к порогу смерти, не имеем в своем сердце хотя бы крупиц той любви, совершеннейшим образом которой мы знаем Божию Матерь? Неужели мы, имея перед собой в лице Божией Матери благоухающий пример смирения, еще не осознали того, что смирение является лучшим украшением души, и что в Царствие Небесное входят не гордые, завистливые, раздражительные, гневные, мстительные, а смиренные, нищие духом, сознающие свою духовную бедность и почитающие себя недостойными рабами Божиими? Неужели мы еще не понимаем, что грехи, мерзостью которых заполнены наши сердца, стеною разделяют нас с Богом, и, если мы унесем их нераскаянными

в жизнь будущего века, они будут источником вечной скорби и вечных мучений?!

Вот о том, чтобы не погибнуть нам для вечности своей бессмертной душой, мы и должны молить нашу Небесную Мать с верой и надеждой: да будет Она спутницей всей нашей земной жизни и поможет нам войти в ту Небесную Землю, где уже пребывают святые, угодившие Богу своей жизнью.

Принесем к подножию Ее святой иконы эти наши молитвы и чувства нашей благоговейной любви к Ней. Сердцем и устами будем повторять молитву сегодняшнего праздника: «Матерински помилуй нас, да славим Тя во веки»!

Митрополит Николай

С т а т ы

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Кругом еще лежит снег, но уже чувствуется приближение весны. Возвратившиеся раньше других перелетных птиц из теплых краев грачи первыми приносят весть о ее наступлении, а вслед за ними словно бы издалека к нам подвигается весна. Лазурное небо прозрачно и ярко, оно раздвинулось шире и в торжествующем блеске шлет на землю привет и ласку. Соскучившись за долгую зиму по теплу и почувствовав его веяние, воробьи чирикают радостнее и вспархивают живее. Особенный легкий ветер несет освежающие волны весеннего, начавшего прогреваться, воздуха.

Проглянувшие в полях проталины радуют глаз, как что-то очень родное и говорят о том, что скоро зима останется позади с ее холодом: разрушатся льды, растают снега и обратятся в быстро бегущие ручьи, поющие о счастье и жизни. А затем кормилица-земля возрастит траву и цветы и всякие злаки.

Все живое встрепенется навстречу ласке и теплу, станет дышать полнотой бытия, и своею красой и расцветом славить Творца.

Сколько трогательного в этих ранних первых проявлениях движущейся весны, в еще не наступившей, но приближающейся радости пробуждения природы, в еще не горячих, но по-весеннему южных и теплых солнечных лучах.

Зовут куда-то голубые звонкие дали... И когда взглянешь в голубые высоты, чувство беспредельности Божьего мира охватывает душу.

Широкий взмах крыльев пролетевшей птицы радостью волнует душу и уносит выше думы...

Так высоко, так невообразимо высоко, что и представить себе невозможно, там, куда не проникнет земное око — горный мир, где только радость и любовь, там лучезарные светлые ангелы немолчно воспевают Бога.

Как далеко по своей многовековой греховности отстоит от чистого неба земля; но Божий Промысл не оставляет ее, святые ангелы знают о живущих на земле и по повелению Божьему слетают к людям, принося утешение и радость свыше и возвещая о грядущих событиях, долженствующих совершиться.

Было время, когда люди не знали Истинного Бога, забыли о небесной родине и о том, что Господь Вседержитель через своих пророков

свидетельствовал о грядущем спасении человеческого рода от нравственной смерти. Исполнились пророчества, свет истинной веры загорелся с новой силой.

И подумать только, что мы грешные тесно связаны с этими высотами — обиталищем Бога через Его сошествие на землю...

Наступает праздник Благовещения, который в народном календаре значится как третья встреча весны [1-я встреча на Сретение Господне 2 февраля (ст. ст.), вторая на св. Евдокию 1 марта (ст. ст.)], и чувствуешь душой, что как бы выделившись непосредственно из этой синей выси, идет к нам безгранично дорогое, необъятное по своему величию, святое благовестие Неба.

И радость о возрождении природы и подымающиеся в душе чувства становятся еще более глубокими и светлыми, потому что озарены уже духовною радостью и сознанием великой значимости этого дня для нравственного возрождения человека, и мыслью о совершившейся тайне примирения неба и земли, о приближении человека к Богу.

Эти мысли и сознание придают даже и временному и земному значение и содержательность, как предназначенному служить напоминанием о вечном и совершенном.

Этот день обращает нас к Богу и заставляет подумать о том благодеянии, которое пришло к нам.

Призывают на молитву звуки колоколов, возвещая о начале богослужения, расплываются и уносятся к небу, увлекая за собой слух; говорят душе о светлом дне, когда впервые мир услышал благую весть о Боге.

«Днесь спасения нашего главизна», — поют в храме... Через просветы окон падают голубые лучистые полосы света... хорошо и глубоко в душе, просторно думаю, и привольно плыть им и уноситься к далекому небу, к священным воспоминаниям, и сладостно слышать, как в сердце поет что-то без слов, как в душе вырастают несказанные чувства и звучат полным аккордом, как будто чьи-то незримые искусные руки с любовью коснулись струн совершеннейшего музыкального инструмента, и послушные этим рукам откликнулись струны.

Не небо ли шлет эти минуты?..

Как всегда в дни воспоминаний, относящихся к земной жизни Христа, невольно мы переносимся мыслью к пределам тех мест, где явился, жил и проповедывал Христос.

В город Назарет с незримых высот слетает Архангел Гавриил и, приветствуя Деву Марию словами: «Радуйся, Благодатная, с Тобою Господь!» возвещает Ей о рождении от Нее Сына Божия и начале спасения рода человеческого.

Благословенная в женах, предуготованная Духом Святым, став Матерью Бога, в величайшем смирении пройдя свой земной путь, становится источником светлых упований, прибежищем грешным, утешением скорбящим.

Возведенная на недостижимую высоту Царица Небесная, через Которую пришло спасение, является ближайшей Заступницей и Ходатайницей перед Богом и, как родившаяся от людей, близкой, любящей и Милостивейшей Матерью для всех нас, никогда не перестающей утешать нас и благовествовать о святом, чистом и радостном. Потому и любит так верующее сердце обращаться к Ней с молитвой, искать у Нее помощи и поддержки в тяжелые минуты, почерпать в Ее материнском взоре изливающуюся на нас недостойных милость и благодать.

И сколько святых чувств вызывает у нас Ее образ, почему и в воздаваемых хвалах Преподобной Деве Марии верующими вкладывается столько горячей любви.

Принесенная Архангелом на землю благая весть, через долгие века передаваемая нам Святою Церковью, пробуждает в душе благоговение, умиление и благодарность к Богу, что Он пришел на землю, даровал нам спасение, открыл путь к величайшему благу — вечной жизни и непрерываемому общению с Ним.

О чем же говорит, какие чувства и мысли навеивает этот благословенный день.

Великий Всемогущий Бог снизошел до нас, чтобы внести в нашу жизнь немеркнущий свет веры и святую радость о Нем, чтобы быть с нами в нашем сердце и сознании и Своею благодатию освещать наши души.

И не затем ли дано нам любить прекрасное земное, чтобы это чувство, став неотъемлемой потребностью сердца, перешло в святое и вечное.

Не затем ли человек одарен способностью мыслить и испытывать высокие чувства красоты, благоговения, проливать слезы умиления и восторга, замирать в изумлении перед тем, что высоко и светло, чтобы сердцем и разумом постигать в том Бога, понимать и любить святое.

Мы преклоняемся перед духовным благородством человека, отдающего свои силы и всю жизнь на служение добру, на то, чтобы принести как можно больше пользы, как можно больше радости людям, потому что такой человек самой своей жизнью благовестит о Боге, ибо Господь призывает людей к высокому служению ближнему и дает силы стать на путь самоотречения и не колеблясь идти по нему.

Дела любви и милосердия убедительнее всего говорят о святом идеале добра, к которому призваны и которого не должны забывать люди, они понятнее всего нам и способны вернуть и холодному сердцу веру в Бога и дать почувствовать в духовной красоте добродетельного человека отображение божественной благодати, влекущей к себе и согревающей душу.

Но разве останавливаясь перед живою картиной зеленого леса, расцветшего луга, розовыми зорями восхода и заката солнца, не чувствуем мы всем существом руки Предвечного Художника?

И разве во вдохновенных произведениях искусства, изумляющих и привлекающих наше внимание, не таится нечто святое, отражающее красоту Божьего мира, и глубокую мысль, и высокий порыв души, потому что в нем, как говорит великий Гоголь, «намека о божественном небесном рае заключен для человека в искусстве... ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства».

Все прекрасное и высокое несомненно говорит о Боге, потому что от Него исходит.

И если все наши помышления, начинания, стремления будут проникнуты сознанием присутствия Бога и озарены внутренним духовным светом веры в Него, то многое в жизни послужит нам благою вестью о Милосердном Боге, о Его святости и величии.

Поистине благо и благословенно все, что напоминает о Боге, возвышает и облагораживает душу, что пробуждает чувства благоговения, жажду молитвы и благодарности Творцу видимого и невидимого мира, Который направляет на доброе, дарует силу вдохновения художнику и поэту, Кто есть красота неизреченная и пресветлая.

Н. Васильева

ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

(Э т ю д)

...«Егда славнии ученицы на умовении вечери просвещахуся...» Отверзаются царские врата. Траурной завесой скрыт от взоров запрестольный образ Воскресения. Облаченное в черные бархатные ризы духовенство торжественно выносит Евангелие на середину церкви.

Плывут по храму волны изумительного напева: «...и беззаконным судиям Тебе, Праведного Судию, предает...» Плотная масса молящихся заполнила уже в начале службы обширную внутренность Дома Божия. Одна за другою начинают возжигаться приготовленные всеми свечи. Наступает удивительная тишина. В этой обстановке благоговейного внимания, особенно отчетливо и проникновенно звучат правдивые и волнующие евангельские слова.

Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа... Сколько в них величия и смирения, как насыщены они невыразимым страданием и неземной красотой! Вот Великий Учитель человечества, «зная, что пришел час Его перейти от мира сего к Отцу» (Иоан. 13, 1), возлежит на вечере со скромнейшими Своими учениками. Льетса из Божественных уст нежная и ласковая речь: «Дети, не долго уже быть Мне с вами» («Иоан. 13, 33). Смирненным галилейским рыбакам, которые по зову Христа оставили дома свои и пошли по стопам Его, еще не ясны полные глубокого смысла глаголы: «Еще немного, и мир уже не увидит Меня, а вы увидите Меня...» Простодушный Петр и кроткий Иоанн, пытливый Фома и доверчивый Филипп — они вопрошают Иисуса о многом, ибо неведомо им, что пришел час исполниться реченному в Писании за много веков до воплощения Сына Человеческого.

В последний раз перед тем, как Единосущного Отцу, «Имже вся быша», станут бичевать точно отъявленного преступника, с предельной ясностью излагает Величайший из просветителей Свое пленительное учение: «Любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15, 12—13). Какой светлый путь указывает Богочеловек людям к тому, чтобы на земле перестали господствовать неправда и злоба, чтобы на нашей прекрасной планете, изобилующей всеми дарами Всевышнего, воцарился вечный мир и счастливая жизнь. В любви, во взаимной помощи, в борьбе с пороком и злодеяниями, в установлении совершенного общественного строя, при котором невозможно угнетение человека подобным ему, Христос начертал миру грандиозные перспективы всеобщего счастья...

Ясно и выразительно читают Евангелие священнослужители. Знако-

мые верующим с детства строфы боговдохновенной книги, повествующие о том, как Господь грядет на вольную страсть, вызывают в сознании каждого из присутствующих печальные картины.

...Ночь. Вертоград за потоком Кедрским. В этот тихий сад, где не раз собирался Иисус со учениками Своими, врываются ведомые предателем войны. Звенит оружие. Пламя факелов озаряет Прекрасный Лик Единого от Троицы, знавшего прежде сотворения вселенной, что все сие совершится с Ним в положенный час. Потрясенный происходящим, Петр извлекает меч из ножен и поражает одного из пришедших. Но Спаситель, Который и сошел на землю затем, чтобы быть умерщвленному от рук грешников, останавливает его, восклицая: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» (Иоан. 18, 11). Тот, Кто мог бы вызвать в Свою защиту легионы ангелов, позволяет связать Себя и вести на судилище. Вновь среди густых зарослей мелькают светильники. Еще непроглядней становится ночь, и только легкий ветерок пробегает изредка по вершинам кустов...

**
*

...«Слава долготерпению Твоему, Господи!»... Церковный колокол отбивает пять редких ударов. Снова зажигаются свечи в руках молящихся, и благоговейно склоняются головы. Можно ли без содрогания душевного слушать бесхитростную повесть евангелиста?! Любой из православных по-своему, еще и еще раз переживает вместе с Икупителем Его тягчайшие страдания. Глаза невольно закрываются, и в мозгу возникают новые образы... Во дворе у правителя Иудеи шумит многоголосая толпа, возбуждаемая изуверами. Рядом с дородной фигурой надменного римского чиновника безмолвно стоит Он, Праведнейший из праведных. От избиений Лицо Иисуса стало еще более прозрачным. Христос почти не отвечает на возводимые против Него нелепые обвинения, но светлый взор Его словно вопрошает ожесточившееся собрание: «Люди, люди, что Я вам сделал?»

«Распни Его!» — кричат собравшиеся. Понтий Пилат задумывается. Даже грубое сердце правителя чувствует, что Этот Человек, Которого старейшины злоумышленно именуют «Царем Иудейским», не имеет за собой никакой вины, и душа Его чиста, как у ребенка.

Но большего не дано знать Пилату. Разве помышляет он, что перед ним Сам Господь, принявший зрак раба и сознательно покорившийся кипящей вокруг Него ярости? Возбуждение пришельцев нарастает. «Да распят будет!» — раздаются с новой силой дикие возгласы. Пилат недоуменно пожимает плечами и решается предать этого, странного по его мнению, Пророка на смертные муки.

Нам делается жутко, когда мы только представим себе на мгновение, как грубые руки воинов обнажают Божественное Тело и облачают Его в багряницу, как бесцеремонные римские солдаты заушают и оплеывают самого Доброго Пастыря, Который когда-либо являлся миру, как они осыпают Его бранью и отвратительными насмешками. Боже наш, неужели Тыпустил произойти всему содеянному над Тобой и не возроптал?!... «Слава долготерпению Твоему, Господи!»

**
*

...«И о сподобится нам слышанию Святого Евангелия...» Восемь ударов колокола. Свечи богомольцев стали совсем маленькими. В переполненном храме царит попрежнему необыкновенная тишина.

...Голгофа. Гора, сделавшаяся величайшей христианской святыней. Простой деревянный крест, который, изнемогая под его тяжестью, Сам принес сюда Носящий вселенную в Своей Деснице. Терновый венец

точно разбойника увенчал Венчающего нас милостию и щедротами. Приходят на память трогательные строки поэта:

«И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его»

(А. Плещеев.)

...Что может сравниться по впечатляемости с образом Распятого за нас Всеблагого Бога? Сколько взоров устремлено в эти минуты на Крест, бывший в древней Римской державе орудием позорной казни и соделавшийся изволением Вседержителя «треблаженным деревом» и «красотою Церкви»?! Поникло Пречистое Тело, прободенное гвоздями и копьем. Под гнетом пережитых истязаний склонилась Светоносная Глава. Угасают очи, излучавшие свет и ласку всем, кто припадал к Нему с верой и надеждой. Умолкли уста, источавшие слова любви и неустанно поучавшие добру. Христос умирает в страшных мучениях — и хотя бы единый крик негодования, хотя бы единый жест отчаяния. Какое потрясающее смирение! Какой великий пример самопожертвования!

«Свершилось!» (Иоан. 19, 30). Никто — ни Божественная Матерь, ни юноша, «егоже любяще Иисус» — не знает еще, что в этой мучительнейшей смерти заложена Победа Жизнодавца над смертью, что в ней сокрыто до времени Торжество Вечной Жизни. Нам близки и понятны страх и смятение тех, что всегда и всюду шли за Ним и были возле Него. Господи, неужели Ты, Всеведущий и Всесильный, не мог отвратить от Себя все сие бывшее? Плачет и мечется Петр, переживающий ужас троекратного отречения, в унынии рассеялись остальные.

Неизбывное горе точно тяжесть, от которой нет сил освободиться, довлело тогда над Богоматерью и ближайшими к Нему. Отчаяние терзало их, когда они сняли со креста холодное Тело Предвечного и обвивали Его чистою плащаницею. Смятение полонило их существо, когда они, привалив камень ко двери гроба, расходились в разные стороны от священной пещеры. Нам близки и понятны все многообразные чувства, обуревавшие в те дни скорбящую Богородительницу и тех, что всегда сидели у Его ног и, затаив дыхание, внимали Его чарующей проловоди.

Сегодня и мы снова переживаем все это. Лица богомольцев взволнованы, и глаза их часто наполняются слезами. Да, мы плачем при воспоминании о страстях Агнца Божия, взявшего на Себя грехи мира, но слезы наши порождены не тоской, и в скорби нашей, как чудесные цветы в невзрачном семени, заложены ростки грядущего ликования.

Мы — православные христиане, приобщенные апостолами к вере во Христа, оказались в некотором отношении счастливее их. Дивное Воскресение Христово, соделав земнородных наследниками Царства Божьего, благостно избавило нас от того беспросветного горя, которое довелось испытать самовидцам Слова до наступления Светозарного Утра.

Зная непреложно, что Господь наш смертью смертью поправил, мы не смеем предаваться безраздельно рыданиям.

Вот почему в этот незабываемый вечер мы покидаем храм в возвышенном состоянии духа. Близится тот лучезарный миг, когда потоки счастья омоют и обновят своими живоносными волнами души верующих, когда вновь зазвонит над миром победная песнь, возвещающая православным, что «воскрес Иисус от гроба, якоже прорече».

Георгий Александров

К ПЯТИСОТЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ АВТОКЕФАЛИИ СЯТОЙ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(1448 — 1948)

В текущем 1948 г. исполняется пятьсот лет с того исторического акта, когда собор русских святителей, по правилам Святых Апостол и Святых Вселенских Соборов, поставил во главе Русской Православной Церкви своего Митрополита, и эту практику поставления и самостоятельного церковного управления положил совершать и впредь. Такое чрезвычайно важное историческое событие в истории Русской Православной Церкви, признанное и одобренное в свое время Святой Константинопольской Церковью и другими Восточными Патриархами, было неслучайным явлением. Фактическому осуществлению автокефалии предшествовала почти пятисотлетняя история Церкви, ясно показывающая рост духовной зрелости Церкви и постепенную нарастающую необходимость изменения церковного управления. Это духовное возрастание Русской Церкви и ее крепость явились теми характерными особенностями, которые обусловили образование независимого существования и управления ее в XX веке.

Проф. Е. Е. Голубинский в своем историческом труде «История Русской Церкви» сказал, что Русская Церковь задолго до святого Митрополита Ионы имела неоспоримое право на автокефалию¹. Эту мысль подтверждает вся предшествующая автокефалии церковная история. В самом деле, христианство, вся христианская культура, а также духовное наследие великой христианской Византийской державы были перенесены на благодатную почву высокодарованного и имеющего особое глубокое религиозное чувство русского народа. На этой почве в скором времени возросли прекрасные всходы как в осуществлении высоких принципов христианской нравственности, так и в достижении высоких степеней совершенства церковного управления и пастырского попечения о пасомых. На заре русской христианской жизни яркой иллюстрацией к данному положению является выдающийся просвещенный пастырь и истинный последователь Христова учения святой Митрополит Иларион. Далее идет сонм подвижников Киево-Печерского монастыря, который был твердым столпом и борцом за православие и русскую народность. Киево-Печерский Патерик, бывший одною из любимых книг нашего народа, подробно и художественно воспроизводящий высоту нравственных совершенств великих русских подвижников, является блестящим документом, удостоверяющим глубокое понимание Святой Русской Церковью основ Христова учения.

¹ Е. Е. Голубинский, «История Русской Церкви», т. II, стр. 513.

Другим большим доказательством духовной зрелости Святой Русской Православной Церкви являлись многочисленные святые подвижники Святой Восточной Руси, явившие высокие жизненные примеры христианского благочестия. Среди сонма этих молитвенников за всю Вселенскую Церковь, русский народ и государство возвышались особо святой Митрополит Петр, св. Алексей, св. Стефан Пермский — просветитель зырян и великий подвижник и молитвенник за русскую землю Преподобный Сергей Радонежский, который объединил в себе своею жизнью, подвигами и деятельными трудами все лучшие помыслы и стремления русского народа. Эти страницы величия Святой Русской Православной Церкви не только всегда стояли перед очами нашего русского церковного общества XV века, как яркая иллюстрация духовно-нравственного совершенства ее членов, но и начинали слагаться в стройную систему религиозно-философского характера, получившую свое окончательное выражение в начале XVII в.

Возрастая и укрепляясь духовно, Святая Русская Церковь деятельно помогала возрастанию и русского государства, которое в XV в. начинает укрепляться и выдвигаться на мировую арену. Церковно-исторические обстоятельства с течением времени все тверже и настойчивее требовали личного приближения главы Святой Русской Православной Церкви к церковным и гражданским интересам русского государства и Церкви. Еще в Киевский период ощущалась таковая необходимость, и Русская Церковь собором своих святителей поставила себе Митрополита с последующим благословением Святейшего Константинопольского Патриарха. Так были возведены на Киевскую митрополичью кафедру св. Иларион (1051) и Климент Смолятич (1147). Чем ближе подвигалось время к XV ст., тем ярче обнаруживается эта историческая необходимость самостоятельности Святой Русской Православной Церкви. На Киевском митрополичьем столе мы видим все чаще и чаще русских митрополитов (Митрополит Кирилл II, св. Митрополит Петр, св. Митрополит Алексей), которые по своим личным достоинствам выделяются из однообразного и посредственного ряда митрополитов-греков. Церковное управление Константинопольского патриархата, в связи с угрозой полного завоевания турками Константинополя, к этому времени значительно расстроилось. Вскоре после смерти св. Митрополита Алексея (1378), в течение двадцати лет, чувствовалось замешательство на митрополичьем престоле. За это и последующее время нередко Константинопольский Патриарх поставлял на русскую митрополию в одно и то же время по два и даже по три Митрополита, что сильно волновало русское церковное общество¹. В таких случаях, по выражению св. Митрополита Ионы «многое лиха и истомы христианству нашей земли починилось». Таковые «замешательства» на русском митрополичьем престоле особенно разразились весьма соблазнительным явлением — назначением грека Митрополита Исидора (1436), убежденного сторонника унии с Римско-католической Церковью и участника Флорентийского собора. Иного исхода, собственно, нельзя было и ожидать, так как в эти последние годы перед падением Константинополя с 1410 по 1453 г. патриарший Константинопольский престол занимали униаты. Такое положение в Константинополе, а также многолетнее вдовство русской митрополичьей кафедры побудило русское церковное общество принять решительные меры и осуществить то, что исторически назрело. Великий князь Московский Василий Васильевич в 1441 и в 1443 гг. пишет две грамоты: Византийскому императору и Патриарху о дозволении русским епископам отныне навсегда самим избирать и поставлять себе Митрополита². Но ни

¹ Преосв. Макарий, «История Русской Церкви», т. V, кн. 2 стр. 277.

² др. канон. пр. ч 1 стр. 62

одна из этих грамот не дошла до адресата, так как до великого князя дошел слух, что император и Патриарх перешли якобы в католичество, и он вернул своих послов.

После окончательного своего утверждения на Московском великокняжеском престоле великий князь Василий Васильевич, вместе с русскими святителями начал помышлять о поставлении Митрополита самостоятельно. Со времени кончины Митрополита Фотия прошло 17 лет, в течение которых на короткое время самостоятельным правителем являлся Митрополит Исидор. Из Константинополя ждать было нечего. В Москве слышали, что турецкое оружие и латинская уния обессилили императорский и патриарший престол, что между православными и униатами идет разногласие, что хотя в монастырях и церквях Константинополя, а также на Святой горе держатся святой старины, но в Соборном Софийском храме и придворной церкви вспоминают имя папы. Принимая все это во внимание, а равно и все другие исторически сложившиеся причины, по которым великий князь и русские святители находили нужным избирать и поставлять Митрополита из русских и самими русскими епископами, Собор епископов обратился к церковным правилам и древним примерам Святой Русской Церкви. В них они нашли каноническое обоснование к самостоятельному поставлению себе своего Митрополита, а примеры поставления Святого Митрополита Илариона и Климента Смолятича подтвердили их изыскания. Так, основываясь на этих правилах и примерах, а также, учитывая данное Константинопольским Патриархом благословение на митрополию Рязанскому епископу, Собор русских епископов 15 декабря 1448 г. поставил Святого Иону в Митрополита Киевского и всея Руси.

Так совершился важный исторический акт Святой Русской Православной Церкви пятьсот лет тому назад. Этим актом открывается новая страница в истории Святой Русской Православной Церкви, начинается период истории автокефальной Московской митрополии. Отсюда начинается степенный спокойный ряд поставления самостоятельных Митрополитов. В XVI ст. он заменяется Святейшими Московскими Патриархами, управление которых, прерванное двухсотлетним управлением Св. Синода, возобновилось в XX ст. в ответственное для Церкви и Родины время.

Перелистывая страницы славного прошлого в период пятисотлетнего самостоятельного существования Святой Русской Православной Церкви, мы видим, что этот почетный путь, пройденный Ею, начинался Святым Митрополитом Ионою, который как бы сообщил по преемству последующим своим собратиям — святителям Московским — великую ревность по Вселенскому православию, которой он горел всю свою жизнь; он показал пример безбоязненного и стойкого пастыря, как среди княжеских усобиц, так и при великих народных испытаниях во время страшных татарских набегов на Москву; он также первый укрепил связь с многострадальной Константинопольской Церковью после падения Константинополя, оказав ей, от «скудости» своей, помощь. Эти великие проявления пастырского долга, передаваясь по преемству от одного святителя к другому, проявлялись в каждом из них сообразно его индивидуальности. На этом историческом пути мы не найдем ни одного из архиереев, возглавлявших Русскую Православную Церковь, который изменил бы Вселенскому православию. Наоборот, совершавшиеся церковно-исторические события выдвигали на первый план святителей великих духом и воодушевленных патриотизмом. К таковым историческим личностям можно отнести знаменитого Митрополита Макария (1542—1563), ревнителя величия Святой Русской Православной Церкви, неумолимого и скромного ученого своего времени; Святейшего Патриарха Иова и осо-

бенно священномученика Патриарха Гермогена, запечатлевшего верность православию и русской народности своею кровью; Святейшего Патриарха Филарета, возвеличившего Русскую Церковь и особенно Святейшего Патриарха Никона, подъявшего колоссальный труд реформы Святой Русской Православной Церкви. Эти же задачи и подвиги восприняли и современные нам Святители Святейший Патриарх Тихон, Патриарх Сергей и ныне здравствующий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. В сложных условиях великих народных сдвигов нашего времени архипастыри проявили деятельность, которая займет на страницах истории Русской Православной Церкви самое светлое место.

Наш настоящий краткий очерк был бы не полон, если бы мы не указали, что эта эпоха автокефалии Святой Русской Православной Церкви прославлена светлыми подвигами многочисленных русских святых, а также расцветом богословской науки, занявшей видные позиции в мировой богословской науке и богатством которой питалось не только наше Отечество, но и весь Православный Восток.

Н. Муравьев

О НЕОБХОДИМОСТИ ЕДИНЕНИЯ С МАТЕРЬЮ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ

„Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей“. (Матф. 16, 18)

Бурно волнуется мировой океан людской. На поверхности его корабль Русской Церкви Православной, управляемый умудренным опытом жизни капитаном, направляющим все силы для сохранения в целостности и вверенного ему корабля, и многочисленных спутников — пассажиров. С глубокой верой и смирением смотрит он на возглавляющий мачту корабля св. Крест Православия и уверенной рукой ведет свое судно среди волн бушующего океана. С грубой бранью и злобой и ненавистью к водителю корабля отделяется от него в утлых ладьях часть взбунтовавшегося экипажа, увлекая за собой и часть растерянных пассажиров, в надежде найти гавань в ином курсе от главного корабля. Проходят дни и ночи... Уверенно и уже более спокойно, преодолевая шторм океана, идет главный Корабль... Уже «без руля, без мачты и ветрил», по воле волн треплются утлые ладьи взбунтовавшегося экипажа. Страх и неуверенность отражают глаза и поведение недавно таких самоуверенных и злобных кормчих, теперь мечтающих только о целостности своей жизни. Все недоверчивее смотрят на них утомленные и потерявшие надежду спутники. — Таково, символически, положение теперь в мире нашей Матери Церкви и отколовшихся от нее ветвей церкви «зарубежной». Все более и более духовно отходит в сторону от своих «святителей» паства церкви зарубежной, с недоумением глядя на поведение своих духовных руководителей. Беспредельно смущена душа и рядового мирянина церкви, и рядового священнослужителя, хотя мы, христиане, обязаны твердо знать, что на все Воля Божия и покорно ожидать конечного выявления ее.

По милости Божией мы являемся членами Русской Православной Церкви.

Наша Мать-Церковь имеет тысячелетнюю историю своего русского, национального развития, свои русские источники духовной жизни в богатой, своеобразной, русской душе и свою автокефальную церковно-общественную организацию, исторически возглавляемую Святейшими Патриархами Московскими и всея Руси. Другой Русской Православной Церкви нет и не может быть. Русская Церковь, как исполнительница Божественной миссии, но осуществляющая ее слабыми, колеблющимися силами человеческими, естественно на своем историческом пути испытывала не однажды периоды и высокого духовного подъема, расцвета и благополучия, и периоды духовного упадка.

События последних десятилетий резко отразились на жизни Церкви, вызвав раскол ее на несколько враждебных течений. С одной стороны стоит непоколебимо древняя Российская Православная Церковь, много-миллионная по своему составу, со всеми ее богатыми, освященными веками традициями и преданием; она стоит на фундаменте, укрепленном церковно-религиозным опытом, и возглавляется исторической высшей духовной властью и авторитетом Святейших Патриархов Московских. С другой — порожденная болезнью отчуждения от родных истоков религиозных и национальных, так называемая «зарубежная» русская церковь с центром на Грин стрит в Сан-Франциско или в немецком Мюнхене, объединившем все враждебное к Родине и Матери-Церкви... Несоизмеримые величины по своему авторитету и духовным силам!..

Прошло тридцать лет новой жизни русского народа и государства, и почти столько же лет тянется смута и бунт русских зарубежных иерархов против Матери-Церкви Российской. Именно бунт честолюбия и ничем не обоснованной претензии на абсолютную власть, на руководство, так как не только догматических, но даже канонических и церковно-обрядовых оснований для войны с Матерью-Церковью «зарубежные» иерархи не могут выставить в защиту своей грубой, часто неприличной и всегда лукаво-лицемерной полемики и борьбы. И это недостойное отношение к Матери-Церкви истощило ее материнское долготерпение и вызвало на непокорных архиереев справедливую кару, которую определит грядущий суд верховной власти Российской Церкви в лице Святейшего Патриарха и Священного Синода при нем.

Так свершается суд Божий...И в этом суде Мать-Церковь, после долгих попыток вразумления взбунтовавшихся архиереев, только откликается на зов своей паствы, голос которой явно был выражен на Церковном Соборе в Кливленде в 1946 году и сначала лицемерно был поддержан архиереями митрополичьего округа, а затем был лукаво отвергнут собором феофиловских архиереев в ноябре 1947 года. Для последнего «мудрого» решения пришлось наскоро прибегнуть к пополнению «собора» новыми силами молодых политиков, одновременно честолюбивых, ласковых и лицемерных, туманно всегда формулирующих свою позицию.

Метод насильственного навязывания решений с верхов церковного управления всему церковному народу потерпел полное крушение, так как в них не было внутренней, духовной правды. Путь репрессий «собора феофиловских архиереев» при решении вопросов высоко-духовных и моральных привел к моральному краху тех, кто им пользовался. Теперь уже некого больше проклинать, запрещать и отлучать, как проклял Митрополит Феофил архиепископа Макария Нью-Йоркского за присоединение к Московскому Патриарху. Весь церковный народ, всю паству в Америке отлучить от Церкви невозможно.

Да и сам «собор архиереев» зарубежной церкви еще раз раскололся на враждебные секции, друг друга ненавидящие. Иерархам американской феофиловской группы предстоит теперь выдержать всю моральную тяжесть Верховного суда Матери-Церкви Российской за все те тяжкие грехи, которые они совершили за время своего самовольного отрыва от общего, питающего корня Русской Православной Церкви. Чем скорее последует их искреннее раскаяние пред Матерью-Церковью, тем скорее и плодотворнее будут осуществляться все добрые начинания на благо Церкви и всего православного народа в США.

Существенную помощь в этом окажет непосредственная духовная связь с Матерью-Церковью, богатой своим духовным, религиозным опытом.

Тому порукой судьба нашей Матери-Церкви в России, где многие

миллионы православных людей, объединенных около своих храмов, начиная со Святейшего Отца нашего Патриарха Алексия до рядового прихожанина в деревне, принимают самое активное участие в творческой созидательной работе Родины.

Пути Господни неисповедимы, но они всегда ведут к познанию Единой Истины. Будем надеяться, что после болезненных переживаний и организационного распада отколовшаяся часть Русской Православной Церкви в Америке найдет свой автономный путь под высшим авторитетом и духовным водительством автокефальной Матери-Церкви, только через которую все ветви ее мощным потоком вливаются в лоно Единой Соборной Апостольской Церкви.

Священник Александр Присадский

Берклей, Калифорния.
28 февраля 1948 г.

ПАПСТВО И ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Учение о папском главенстве в Церкви является главной особенностью римского исповедания, отличающей его от православного учения о Церкви.

Развивая применительно к практически-религиозным потребностям верующих учение о Церкви, как видимом определенном обществе, западное христианство издавна привыкло пользоваться здесь идеею Царства Божия, которое затем и отождествило с Церковью. Сложившийся под влиянием идеи Римской всемирной империи образ Царства Божия, впервые во всей широте содержания и с идеальным характером нарисованный блаженным Августином в его знаменитом сочинении «О граде Божием», где он высказывает мысль, что «Церковь уже теперь есть Царство Божие», остался затем навсегда принадлежностью западного религиозного мировоззрения и с течением времени все более и более принимал черты теократического государства, всемирной папской монархии.

Монархическое устройство, как совершеннейшее, и необходимость единой главы — от общества перенесены были на Церковь, единство которой стали понимать в смысле государственном. Для поддержания единства Церкви явилась нужда в едином видимом представителе и правителе Церкви. Возникла теория о главенстве в Церкви римского первосвященника, и папское главенство внесено в самое определение Церкви в римском катехизисе.

Благодаря целому ряду благоприятных для них исторических причин и сложным политическим интригам, а также кровавым войнам, обманам, подкупам, убийствам и отравлению своих противников, римские епископы в известные периоды истории владели не только духовной, но и политической властью над многими странами: Италией, Францией, Германией и др.

Учение о видимой главе Церкви, явившееся неизбежным и самым крупным результатом одностороннего проведения в католичестве понятия о Церкви, как о правовом обществе, имело своим следствием преобладание внешних признаков в определении Церкви, принятом в большей части догматических трудов (единство исповедания, единство управления), а это в свою очередь повело к торжеству папской системы управления Церковью. Папы стали стремиться к власти, руководясь самыми низменными побуждениями человеческой природы: честолюбием, властолюбием и корыстолюбием, и считая дозволенными все средства для достижения этой цели, по принципу: «цель оправдывает средства». Отсюда папская система управления Церковью не божественного происхождения, а чисто земного. Папизм в корне извращает и совершенно

противоречит евангельскому учению о Церкви, как Теле Христовом (1 Коринф. 12, 12—17; Иоан. 13, 12—17), где царит союз любви и дух равенства. Деятельность же пап не имеет ничего общего с заветами Христа. Для подчинения своему владычеству римские епископы не останавливались ни перед чем. Предавали огню и мечу целые страны, грабили и убивали население, а оставшихся в живых обращали в рабство. С помощью таких приемов римские папы утверждали свое господство над славянскими Церквями. Папы предпринимали даже общеевропейские крестовые походы для утверждения католичества в Сербии, основывая духовно-рыцарские ордена (Ливонский и Тевтонский) для распространения христианства огнем и мечом среди литовцев и языческого населения прибалтийских стран: ливов, эстов и куронов.

В эпоху средних веков политическая власть пап достигла высшей степени своего могущества. По мановению пап императоры, короли и др. правители лишались своих стран. Папа венчал императора и королей на царство, он же лишал их и корон. Папская власть сравнивалась с солнцем, которое светит незаимствованным светом, а власть светских правителей — с луною, которая светит заимствованным от солнца (папы) светом. Религиозные чувства тогдашних народов создавали папам благоприятную обстановку для укрепления их политического могущества.

Средневековая Римско-католическая Церковь ничем почти не отличалась от обычных в то время монархий, королевств и княжеств. Она была теократическим государством, но цели и методы достижения власти пап ничем не отличались от деятельности тогдашних королей и императоров. Папа был самый могущественный из них и требовал, чтобы ему все подчинялись. Отсюда непрерывные войны, которые вели папы для поддержания своей власти. Даже крестовые походы, самое грандиозное явление средневековья, в значительной мере предпринимались для усиления политического могущества пап. Религиозные цели, которые ставили при этом папы, служили только «дымовой завесой» и орудием в деле осуществления их политических замыслов. Ради широкого господства папы готовы были залить Европу потоками крови и опустошить целые страны, — говорит один из видных ученых католического запада Деллингер. Известно, например, что папа Юлий II (1503—1513), ведя войны то с Испанией, то с Францией и Германией за создание сильного папского государства, однажды, опоясав себя мечом и шпагой, бросил в Тибр первосвященнические ключи и гневно воскликнул: «Пусть же меч нас защитит, раз ключи св. ап. Петра оказываются бессильными!»

Не Христос с Его св. апостолами, не спасительная благодать Св. Духа нужны были римским папам, а война и деньги!

Мы не будем приводить здесь историю борьбы пап из-за своего главенства в Церкви и своей светской власти, как с отдельными поместными церквями, так и с правительствами различных стран. Укажем только вкратце, какими путями шли папы к власти и чем они думали оправдать свои властолюбивые притязания. В своих притязаниях на верховную власть в Церкви папы, во-первых, с удивительной развязностью пользовались ссылкой на известные места Свящ. Писания (Матф. 16, 13—19; Лук. 22, 32; Иоан. 21, 15—17), Свящ. Предания и древне-церковной истории, но в настоящее время после блестящих исследований данных мест Гефеле, Геттэ, аббата Мито, Деллингера, Януса, Шульте, епископа Иосифа Рената, Лангена, архимандрита Никанора, проф. Н. Беляева, проф. В. Керенского, А. А. Киреева, протопресвитера Янышева и многих других ученых богословов и церковных историков видно, что папистам на протяжении многих веков приходится защищать свои положения систематическими подлогами.

Наиболее известные из этих подложных документов — «Дар Константина», «Лже-Исидоровы декреталии», «Коллекториум, или Декретум», сборник Ансельма, «Декретум Грациана», «Тезаврус» Кирилла и др. Подложность этих документов, в которых папа выставляется как верховный глава, законодатель и судия Вселенской Церкви, доказывается грубыми анахронизмами, фальшивыми надписями, уловками, подлогами, отступлениями от духа и смысла древнего церковного законодательства и другими примерами лжи, невежества и промахов.

Составители подложных сборников искажали своими вымыслами и фальсификациями, главным образом, памятники церковного законодательства, т. е. определения Соборов, правила св. отцов и декреталии пап. От их вымыслов пострадала и патристическая литература вообще. На самом же деле представители западно-богословской науки до XIII в., так же как и отцы Восточной Церкви, ничего не говорят о папской власти. В этом можно убедиться на основании книги проф. Лангена «Ватиканская догма», где собран и с величайшей тщательностью обследован весь материал, какой только дает схоластическая литература по вопросу о папстве (Ансельм Кентерберийский, Петр Ломбардский, Бернард Клервосский, Альберт Великий, Раймунд и др.). На основании обширного знания с церковно-богословского литературного средних веков проф. Ланген приходит к выводу, что понимание средневековыми богословами тех библейских мест, на которые обыкновенно ссылаются защитники папского догмата, могут свидетельствовать только о борьбе новых папских теорий с древнецерковным преданием. Слова Христа «Повеждь Церкви»... для тех же богословов служили классическим местом, где они находили ясно выраженную мысль о том, что авторитет Соборов выше авторитета пап.

«Равным образом и идея Церкви для средневековых богословов далеко не была тождественною с идеей папства. Высокие обетования о пребывании в Церкви Св. Духа, о ее неодоленности вратами ада и непоколебимости в истине, относится ко всей совокупности верующих, а не к одной только иерархии (ни тем более к одному только папе).

Папизм принес неисчислимый вред делу Церкви Христовой на земле и вообще домостроительству нашего спасения. Он внес раскол в единство Вселенской Церкви Христовой. Властолюбие пап отторгнуло Западную Церковь от Вселенской Церкви (1054 г.). Западную Церковь после этого потрясают лютеранство и англиканство и целый ряд сект (альбигойцев, вальденсов, янсенистов), порожденных именно папизмом. Крушение принципа соборного управления Церковью превратило ее на Западе из богочеловеческого организма в чисто земную политическую организацию, монархию с папой, королем во главе.

Из церковной истории известно, что многие из пап не соответствовали своему высокому назначению и были скорее похожи на язычников, нежели на христиан. Например, Сергей III (X век) свою папскую деятельность начал тем, что распорядился задушить своих двух предшественников, насильственно свергнутых с папского престола и брошенных на пожизненное томление в тюрьму, мотивируя убийство жалостью к обоим бывшим папам, ибо «моментальная смерть, дескать, менее страшна, чем долгое, пожизненное заключение в темнице».

Бонифаций VII убил своего отца.

Папа Стефан VI (896—897) произвел суд над умершим своим предшественником. Это был папа Формоза, которого он ненавидел. Труп последнего был извлечен из могилы, одет в папское облачение и посажен на трон в зале соборных заседаний. Присутствовавшие смотрели с ужасом на начавшийся суд. Мертвецу назначили адвоката и представитель папы предъявил ему обвинения, заключающиеся в том, что Формоза,

вопреки каноническим правилам, перешел с епископской кафедры в Португе на папский престол. Мертвеца осудили, произнесен был приговор, лишавший его достоинства первосвященника. Вслед за тем с мертвого сорвали папское облачение, отрубили у него три пальца правой руки, которыми он раздавал благословение. Вытолкали труп из залы заседания, протащили его по улицам Рима и бросили в Тибр. А вскоре после этого и сам Стефан был убит народом.

Вышеприведенные факты с достаточной ясностью говорят о причинах падения папского авторитета среди верующих католиков и вообще христиан.

С целью поднятия и укрепления папского авторитета римская курия решила допустить невероятный с догматико-канонической точки зрения трюк. На Ватиканском Соборе в 1870 г. под ее давлением был обнародован догмат о непогрешимости папы.

Без преувеличения можно сказать, что весь христианский мир ахнул, когда узнал об обнародовании такого «сногшибательного», с позволения сказать, «догмата».

Самые видные и ученые члены Собора протестовали против провозглашения такого догмата о непогрешимости. Догмат был провозглашен 13 июля 1870 г. на Ватиканском Соборе большинством 371 голоса при 52 голосах, поданных за условное признание догмата, и 88 высказавшихся против догмата.

Догмат о непогрешимости пап находится в полном противоречии с постановлениями VI и VII Вселенских Соборов, заповедавших хранить неприкосновенной веру, переданную от богоизбранных апостолов и от святых отцов, и угрожавших анафемой тем, кто решится нарушить это постановление. Следовательно, и Пий IX, творец нового догмата о непогрешимости, и последующие папы, в том числе и современный папа Пий XII, подлежат по точному смыслу постановлений VI и VII Вселенских Соборов анафеме за свое нововведение.

Ультрамонтане пытаются оправдать свое явное противление и непочитание правил Вселенских Соборов придуманной ими теорией о развитии догматов, сущность которой заключается в утверждении, что новыми догматами католицизма в сущности ничего нового в церковную веру не приносится, а только разъясняются истины, изначала усвоенные верующими. Такая попытка не выдерживает критики. Христианство проявляется не в развитии верований, как думают защитники указанной теории, и ему не угрожает опасность застоя, косности и оцепенения в случае приостановки в развитии догматического учения. И вот почему. Христианство возвестило нам истину божественную, следовательно, абсолютную, следовательно, навеки неизменную и неподлежащую ни поправкам, ни дополнениям, ни усовершенствованиям.

В XVIII веке Восточные Патриархи писали об этом: «Наши догматы и учение Восточной Церкви еще издавна исследованы, правильно и благочестиво определены и утверждены святыми Вселенскими Соборами: прибавлять к ним или отнимать от них что-либо непозволительно».

В Окружном послании Восточные Патриархи еще яснее подтверждают свою верность традициям Вселенской Православной Церкви. «И мы предадим св. веру в грядущие поколения, какую сами приняли, без всякого изменения, дабы и они, подобно нам, непостыдно и без упрека могли говорить о вере своих предков». Православное веросознание допускает прогресс в христианстве, но его нужно понимать не в смысле появления каких-либо новых догматов, а в более углубленном и расширенном понимании той или иной догматической истины.

Догмат о непогрешимости папы никогда и ни от кого не принимался за догмат. Даже среди католиков он вызвал всеобщий единодушный

протест в Швейцарии, Франции, Австрии, Германии, Испании и даже в Италии и послужил толчком для образования старокатолицизма.

Вся история папства вопиет против учения о непогрешимости пап. История свидетельствует, что папы не раз колебались в вере, покровительствовали еретикам и даже сами разделяли еретический образ мыслей. Так, Монтан был на Востоке осужден, а в Риме был признан мужем, исполненным вдохновения, и получил от папы грамоту мира. Ошибка не замедлила обнаружиться, и грамота была взята назад. Позже в Риме снова был допущен промах по отношению к пелагианам, которые успели привлечь на свою сторону папу Зосиму (V век). VI Вселенский Собор анафематствовал папу Гонория I (VII век) по обвинению в монофелитской ереси.

Папа Марцеллин (296—304) принес языческую жертву Юпитеру и т. д.

Самое положение о непогрешимости папы имеет много туманного и неопределенного. Неясно, когда папа говорит «*ex cathedra*» и когда произносит частное суждение. Мюнхенский факультет на вопрос баварского правительства по этому поводу ответил: «Всеобщего критерия, по которому можно было бы судить с достоверностью, что такое-то определение папы последовало *ex cathedra*, не существует». Ультрамонтане говорят, что папские определения обладают всеми свойствами декретов *ex cathedra* в тех случаях, когда папа изрекает их под внушением Св. Духа. При этом делается даже нелестное для пап сравнение с валаамовой ослицей. Профессор богословия в Майнце, иезуит Эберман, говорит на эту тему: «Непогрешимым может быть и совершенно невежественный папа, ибо Бог указал некогда людям истинный путь через преклущую ослицу».

Совсем иначе расценивает ватиканский догмат наиболее просвещенная часть верующих католиков. Проф. Деллингер с беспощадной ясностью доказывает несостоятельность нового догмата, как противоречащего Свящ. Писанию и всей истории Церкви. «Как христианин, как богослов, как историк и как гражданин, я не могу, — пишет Деллингер, — принять новый догмат. Как христианин, ибо он не совместим с духом евангельских изречений Христа и апостолов; как богослов, ибо он состоит в непримиримом противоречии со всем истинным преданием Церкви; как историк, ибо я знаю, что стремление осуществить, выражающуюся в этом догмате, теорию мирового господства zalut Европу потоками крови; опустошит страны и разрушит прекрасное здание древней Церкви».

Догмат непогрешимости папы явился завершением многовековой борьбы пап из-за главенства в Церкви. Жажда власти теперь в них еще больше окрепла и усилилась. После 1870 г. и до наших дней папы проявляют самое живое непосредственное участие в международной политической жизни народов.

Но времена былого (средневекового) величия для пап давно миновали. Папа после национального объединения Италии и объявления Рима столицей объединенного государства жил «ватиканским узником». Римской курии был нанесен тяжелый удар. Все же, несмотря на это, папы продолжали вести свою политику расширения и усиления своей власти. С наступлением новых политических обстоятельств они лишь стали искать новых путей и способов для приспособления к духу времени. Папа Лев XIII все более склонялся к тому, что наместничество св. Петра может быть восстановлено в своих правах лишь в результате всеобщей войны. Поэтому, когда в 1914 г. между Сербией и Австрией возник вооруженный конфликт, римская курия с легким сердцем одобрила австрийский ультиматум Сербии.

Впоследствии Бенедикт XV несколько раз обращался к воюющим

народам с воззванием о прекращении войны, но это делалось только для прикрытия подлинной роли Ватикана, как поджигателя и пособника немцев в первой империалистической войне.

Союз Ватикана с немецкими капиталистами и помещиками неудивителен. Их объединяет общая ненависть к славянским народам. Папы всегда стремились подчинить славян своей церковной власти. В погоне за «жизненным пространством» немцы устремлялись всегда на восток, на славян. На всем протяжении своего исторического существования римская курия постоянно участвовала во всех политических интригах против славян и, в особенности, против России. В прошлом, вплоть до наших дней, папство терпело неудачи при попытках подчинить Россию своему церковному влиянию. Отстаивая православную веру и родную землю, Россия неоднократно отражала нашествие немецких рыцарских орденов союзников папы. Так было при Александре Невском, в 1242 г., когда немцам Ливонского рыцарского ордена на льду Чудского озера нанесено было тяжелое поражение, а шведы были разбиты в Невской битве. Тогда же на юге, тоже пока безуспешно, папа стремился подчинить Галицию при Данииле Романовиче Галицком. В XIV и XV вв. не прекращаются попытки пап подчинить себе Русскую Церковь. В половине XIV века король Магнус, исполняя волю папы, задумал было обратиться Новгород в католичество, а в 1387 г. являлись в Москву папские легаты. В западно-русских областях в конце XIV в. открылись гонения на православие. В 1437 г. на Флорентийском соборе вовлекли в унию Московского Митрополита Исидора, но русские не признали этой унии. Исидор бежал в Рим, где и умер в 1462 г. В 1465 г. у Ватикана созрел план выдать дочь Византийского императора Фомы Палеолога Софию за великого князя московского Иоанна III. София Палеолог воспитывалась в Риме, и папа надеялся путем этого брака подчинить себе Русь. Брак состоялся, но обратить Русь в католичество не пришлось: София выказала себя ревностной дочерью Православной Церкви.

В XVI веке папа присылал к Иоанну Грозному иезуита Поссевина, но из этого тоже ничего не вышло. Поссевин достиг успеха только в Литве, где в 1596 г. была заключена Брестская уния.

Также провалились планы Ватикана обратить Русь в католичество при Лжедмитрии I и II и Сигизмунде III, короле Польском.

Дальнейшие попытки укрепить католичество в России мирным путем были сделаны папой при Михаиле Феодоровиче и также безуспешно. Между тем в Западной Руси шла ожесточенная борьба за веру. Даже забытые белорусы не выдержали притеснений и убили в Витебске яркого местного проповедника католичества и унии Иосафата Кунцевича, бросив его тело в Двину. Украинские казаки с оружием в руках отстаивали православную веру и отбили у униатов захваченную ими Киево-Печерскую Лавру, но древняя волынская святыня Почаевская Лавра, надолго осталась в руках базилиан — униатских монахов.

Первый молитвенный католический дом появился в Москве 5 мая 1687 г. При Екатерине II среди униатов началось движение за присоединение к православию. В 1832—33 гг. Почаевская Лавра была возвращена православию, а в 1839 г. 1 600 000 униатов возвратились в лоно Православной Церкви.

В 1875 г. к православию присоединились холмские и подляшские униаты.

Разрыв в сношениях с папой, возникший в 1866 г., продолжался до 80-х годов. Папа метал громы на Россию. Когда началась последняя русско-турецкая война, он послал благословение туркам, повсюду интриговал против России и пытался восстановить против правительства русских граждан католического вероисповедания.

Не теряя надежды подчинить своей власти народы Востока с Россией во главе, папа выпустил в 1895 г. энциклику о соединении Церквей, при условии подчинения Греко-восточной Церкви Риму. Восточные Патриархи дали Ватикану полный достоинства ответ. В Петербурге (ныне Ленинград) была издана по поводу этой энциклики брошюра со статьями А. А. Киреева, А. П. Лопухина и греч. проф. Диодмиди Кириака (Энциклика папы Льва XIII о соединении Церквей, изд. 1895 г.) Та же энциклика вызвала появление брошюры: «Современные попытки Льва XIII к соединению Церквей» (Вильна, 1896 г.).

Несмотря на постоянные неудачи в этом направлении, Ватикан и в наши дни не оставляет своих попыток подчинить себе Православные Церкви Востока, в том числе и Русскую Православную Церковь и стремится использовать с этой целью каждый благоприятный момент. Натиск Ватикана на православие не только не ослабел, но даже усилился за последние 30 лет. После Ватиканского собора все папы, начиная с Пия IX, именовали себя «ватиканскими узниками» в знак протеста против правительства Виктора Эммануила, отобравшего у пап церковную область. Именуя себя «ватиканскими узниками», папы, однако, и не думали расставаться с мечтой о восстановлении своего бывшего могущества. Они выжидали только более благоприятного международного положения для этого реванша. Очевидно, этот момент в данное время наступил.

За последние 10—12 лет папы сумели заключить конкордаты с Францией, Англией, Германией, Баварией, Пруссией, Италией, Австрией, Испанией, Португалией, Голландией, Бельгией, Данией, Норвегией, Швецией, Румынией, Сербией, Польшей, Латвией, Литвой, Америкой, Мексикой, Аргентиной, Китаем, Японией, Турцией и другими странами.

В каждой стране, где есть только Православные Церкви, Ватикан стремится путем насилия бороться с православием. Это наблюдалось в Румынии, Сербии, Латвии, Литве и особенно в Польше, где католики стремились отнять у православных половину святых храмов и тем лишить более двух миллионов верующих церковной жизни.

Каждый конкордат своими договорными статьями рисует высшую католическую иерархию во главе с папой не пастырями духовными, а скорее настоящими земными дельцами, стремящимися к власти и своим материальным выгодам. Причем национальные интересы своих духовных чад католические пастыри часто предают ради земных выгод. Папизм по самой своей природе враждебен для каждой национальности. Истинный католик не может любить отечества, в котором он родился и которое воспитало его: эта любовь незаконна, ибо отечеством для него является Рим, на котором, следовательно, он и должен сосредоточить все свое внимание и за который при случае должен проливать свою кровь и идти в огонь и воду.

Наконец, из содержания конкордатов видно, что Ватикан является поджигателем двух мировых империалистических войн, о чем также говорят и папские энциклики, выступления по радио и в печати. Особенно большую активность проявил Ватикан в подстрекательстве ко второй империалистической войне. Всем известна его роль в организации крестовых походов против СССР. Точно также известна и связь Ватикана с итало-немецким фашизмом, с Муссолини и Гитлером. Папа Пий XI называл публично Муссолини «человеком, ниспосланным Провидением».

Накануне полного и окончательного разгрома Гитлера Ватикан пытался спасти его и гитлеровцев от справедливого возмездия.

Уже давно Ватикан перестал быть религиозным центром, объединяющим католиков разных стран. Колоссальные богатства, которые Ватикан получает со всех частей земного шара, сделали из него скорее круп-

ное капиталистическое предприятие. Основным источником дохода у римских пап является «рента Св. Петра», которая систематически собирается во всех католических церквях в пользу папского престола. Размер этой «ренты» трудно указать, так как это составляет тайну Ватикана и официально в отчетах не показывается, но во всяком случае, по мнению некоторых финансовых экспертов, она определяется в несколько сот миллионов лир в год.

Ватикан, кроме того, является отчасти владельцем, отчасти участником ряда крупных банковских предприятий. Огромные ватиканские капиталы вложены в разных странах, особенно в США, где папа опирается на банк Морган.

Римская курия по праву считается одной из самых крупных финансовых монополий в мире и владельцем баснословных богатств. Во всех антидемократических происках мировой реакции есть следы тесного сотрудничества с Ватиканом.

Централизованная форма управления Римско-католической Церкви и огромные денежные средства дают возможность Ватикану выступать на арене всемирно-общественной жизни с известной моральной силой и значением. Римская курия весьма умело использует в своих целях эти выгоды сложившиеся для нее обстоятельства. Прежде всего обращается самое серьезное внимание на развитие миссионерского дела. На миссию в год тратится до 250 млн. долларов; в миссиях занято до 60 000 священников и инструкторов, свыше 24 000 монахинь, 65 640 учителей-католиков. Миссии имеют в своем распоряжении множество школ низших, средних и 8 университетов, больницы, аптеки, детские приюты, фермы, фабрики, мастерские и проч.

Еще со времен Льва XIII римская курия пыталась влиять на социальную жизнь народов и в частности на рабочий вопрос. Ватикан принимает серьезные меры к организации христианских профсоюзов, количество членов которых доходит в настоящее время до 3 000 000. Римская курия забирает в свои руки также сельскохозяйственную кооперацию. Заслуживает внимания и просветительная деятельность Ватикана, которая, кроме школ разного типа: академий, семинарий, выражается в библейских обществах, в издательстве книг и газет.

Таким образом мы видим, что Римско-католическая Церковь значительно превосходит православные автокефальные церкви по своей организации, по финансовой мощи, размеру миссионерско-просветительной деятельности и, наконец, по своим мировым связям со многими иностранными государствами. Как бы не казалось мощной и величественной организация католической Церкви, она не может быть признана долговечной и непобедимой. Папизм своим властолюбием, гордостью и корыстолюбием подтачивает силу и крепость католицизма. Вне благодатного общения с Восточной Православной Церковью, хранительницей древневселенского православия, Римско-католическая Церковь, предоставленная слабому человеческому разуму, заблуждается в своем догматическом учении, в своей практике церковной жизни, в признании главенства и непогрешимости пап. Она идет по ложному пути, который в конечном итоге и приведет ее к гибели.

Православная Церковь, уступая католической [REDACTED] по численности верующих и во много раз по богатству своих материальных средств, по своей церковной организации и по своей просветительно-миссионерской деятельности, тем не менее стоит выше Римско-католической Церкви, так как хранит в чистоте и неповрежденности учение Господа нашего Иисуса Христа и св. апостолов. Она не запятнала себя ни политическими интригами, ни привнесением к православию каких-либо новых догматов, несродных духу и смыслу Свящ. Писания и Свящ. Предания. Она прием-

лет и неложно исповедует только те догматы, которые, по выражению Викентия Лиринского, «всегда, везде и всеми были исповедуемы».

Православная Церковь никогда не предавала интересов своей страны. Любая из существующих Православных Церквей никогда не домогалась для себя светской власти, никогда не проводила самостоятельной от своей нации политики, но всегда вместе с ней переживала горе и радость, славу и унижение (от иноплеменников) родной своей страны.

Православная Церковь по безупречности, по верности заветам Христа, по созвучию своей деятельности с общенародною совестью, действительно, по праву может быть Матерью и Учительницей своих духовных чад.

Непреодоленность православия является заслуженным следствием преданности делу Христа. «Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Иоан. 15, 7).

Обещание Спасителя дает нам радостную надежду, что мы, православные, сможем преодолеть натиск современного католичества, ибо сила Божия в «немощи» совершается. Да мы не так уже и маломощны. У нас нет точных сведений о количестве всех православных христиан, но во всяком случае их не меньше 150 000 000. Согласитесь сами — сила огромная!

Сейчас католичество, используя международную обстановку, временно торжествует. Но мы не должны унывать! Сейчас мы особенно должны помнить заветы апостола Павла: «Стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес. 2, 15) и «если бы даже мы, или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1, 8).

Нам невольно вспоминаются слова великого отца и учителя Западной Церкви, блаженного Иеронима Стридонского. Он говорит: «Смотри, каков конец этого города: в нем воистину была святая Церковь, в которой хранились лавры апостолов и мучеников, где исповедывали имя Иисуса Христа и апостольское учение, но гордость и заносчивость его главы отвратили верных от истинного благочестия. Когда я, — пишет блаженный Иероним, — явился в Римский Вавилон, один из придворных этой старой блудницы захотел заставить меня принять их догматические теории, которые являются сплошным заблуждением. Тогда я написал свое сочинение и посвятил его самому папе. Я покинул этот проклятый город и вернулся в Иерусалим; я оставил эти проклятые места (Рим-Ватикан), я предпочитаю им пещеру Младенца Иисуса (Migne, tt. XXII—XXIII, Hieronym, I—II. В предисловии к Дидиму в книге о Св. Духе).

Как тогда блаженный Иероним, по своему происхождению славянин, бежал для успокоения своей мятущейся души из Рима на Восток, в Иерусалим, так и мы вместе с ним обращаем свой взор к Матери нашей Восточной Церкви и в сладостной надежде на неизреченную милость Господню восклицаем: «Ex Oriente lux» (С Востока — свет).

Епископ Гермоген

О КНИГЕ В. С. СОЛОВЬЕВА «РОССИЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ»

В 1911 г. в Москве был издан перевод с французского на русский язык сочинения В. С. Соловьева: «Россия и Вселенская Церковь».

Это сочинение состоит из «введения» и из трех книг.

Первая книга озаглавлена: «Положение религии в России и на христианском Востоке». Состоит из 10 глав.

Вторая книга называется: «Церковная монархия, основанная Иисусом Христом». Состоит из 14 глав.

Третья книга преподносится читателю под загадочным заголовком: «Троичное начало и его общественное приложение» и состоит из 12 глав.

«Россия и Вселенская Церковь» — довольно объемистое (445 стр.) произведение и, нужно отдать справедливость автору, написано талантливо. Но — странное дело! Когда читаешь книгу Владимира Соловьева, то невольно вспоминаешь другого большого русского писателя Льва Николаевича Толстого, его писания на религиозные темы.

Насколько Толстой гениален в своих художественных произведениях, настолько, наоборот, он самый посредственный экзегет и богослов.

Вот такое же впечатление производит «Россия и Вселенская Церковь». Весь свой публицистический талант Владимир Соловьев употребил на художественную раскраску папизма. Однако ни высокопарное философствование, ни мистическая туманность оглавления многих глав, ни звонкие фразы публицистического журналиста, не могут скрыть того обстоятельства, что Соловьев, защищая папизм, оказался в плену всех тех обманов и подлогов, каким Ватикан на протяжении многих веков обосновывает свои домогательства на главенство римского папы во Вселенской церкви.

Нужно сказать, что через всю книгу «Россия и Вселенская Церковь» красной нитью проходит мысль Соловьева, что «римский апостольский престол—это центр внешней видимой деятельности Церкви, образ и орудие божественной власти, чудотворная икона вселенского христианства, единственный носитель прав и преимуществ ап. Петра, полученных им от Христа, средоточие всемирной церковной монархии, долженствовавшей пресуществовать всемирную политическую монархию, с заменою династии Юлия Цезаря династиею Симона Петра — цезаризма — папством»... [2 кн., 251 стр.]. Отсюда Соловьев с апломбом объявляет: «Я признаю,—пишет он,—за верховного судию в деле религии того, кого признали таковым св. Дионисий Великий, св. Афанасий Великий, св. Иоанн Златоуст, св. Кирилл, св. Флавиан, блаженный Феодорит, св. Максим Исповедник, св. Феодор Студит, св. Игнатий — а именно ап. Петра, живущего в своих преемниках и не напрасно слышавшего слова Гос-

пода: «Ты Петр, и на этом камне Я создам Церковь Мою.—Утверди братьев твоих. Паси овец Моих, паси агнцов Моих».

Бессмертный дух блаженного апостола, невидимый служитель Господа в правлении видимой Церковью Его, ты знаешь, что ей нужно земное тело для своего проявления. Ты уже дважды дал ей общественное тело: сначала греко-римский мир и затем в мире романо-германском, — ты покорил ей империю Константина и империю Карла Великого. После этих двух предварительных воплощений она ждет третьего и последнего воплощения своего. Целый мир, полный сил и желаний, но без ясного сознания судеб своих, стучится в двери мировой истории. Какие слова скажете вы, народы слова? Громада ваша еще не знает этого, но могучие голоса, раздавшиеся в вашей среде, уже поведали это. Два века тому назад кроатский священник пророчески возвестил, а в наши дни епископ той же нации неоднократно с дивным красноречием заявил об этом. Сказанное представителями западных славян, великим Крижаничем и великим Штрессмейером, нуждались лишь в простом: «Аминь» со стороны восточных славян. Это «аминь» я пришел сказать от имени ста миллионов русских христиан, с твердой и полной уверенностью, что они не отрекутся от меня.

Ваше слово, о, народы слова, это — свободная и вселенская теократия, истинная солидарность всех наций и всех классов, христианство, осуществленное в общественной жизни, политика, ставшая христианской: это — свобода для всех угнетенных, покровительство для всех слабых; это — социальная справедливость и добрый христианский мир. Открой же им, Ключарь Христов, и пусть врата истории будут для них и для всего мира вратами Царства Божия» (стр. 71—73).

В силу присущего Соловьеву философского синтеза он пришел к убеждению, что в христианской Церкви должно существовать не внутреннее, а внешнее единство и центром этого внешнего единства должен быть римско-католический епископ.

В данном случае уместен вопрос: насколько правильно суждение Соловьева, что будто бы идеал Вселенской Церкви осуществляется в католичестве и можно ли осуждать Восточную Церковь за то, что ее внешнее состояние не соответствует его концепции о Церкви?

Не похоже ли это на поведение вообще раскольников, которые отступают от своей Матери-Церкви только потому, что она не подходит под их понятие о Церкви?

В своей критической заметке мы коснемся только главного и основного вопроса, а именно о признаках истинной Церкви Христовой.

Знание этих признаков дает нам твердое основание для надлежащей оценки суждений Соловьева о Вселенской Церкви.

Подобное знание мы получаем, во-первых, в словах Самого Господа о нравственной восприимчивости людей к истине и чудодейственной благодати; во-вторых, в словах апостолов о различении Духа Божия от духа антихристового; в-третьих, в непрерывности апостольского предания в Церкви; в-четвертых — в самом характере и особенностях еретических учений.

Самое первое средство для восприятия и усвоения истины указано было Самим Спасителем.

Он говорит так: «Мое учение не Мое, но Пославшего Меня. Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении: от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю» (Иоан. 7, 16—17). «Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете — обращается он к неверующим иудеям, — что вы не от Бога» (Иоан. 8, 47).

Из сих слов видно, что для удостоверения в божественности учения Христова необходимо нравственное соответствие. По-

добное познается подобным, как некогда говорили мудрецы.

Другое средство Господь указал в чудесах (Иоан. 10, 24—25; Мф. 12, 39—40; Иоан. 15, 24). Эти средства, указанные Спасителем, всегда оставались и остаются в Церкви Православной действующими. Церковь Восточная всегда признавала тесную связь познания и хранения истины Христовой с нравственной чистотой верующих.

Церковь Восточная потому и есть истинная Церковь, что она сохраняет чистым и неповрежденным нравственное учение, а нравственное учение потому сохраняет таким, что держится чистого догматического учения,—одно без другого быть не может.

Между тем в Римско-католической Церкви утвердилось учение, что основой для хранения истины Христовой в Церкви служит не нравственное соответствие человека истине, не святость Церкви, а единственно верховная власть папы, через которую Дух Святый действует механическим образом независимо от его нравственного состояния.

Действительным признаком истинности Церкви Восточной служит также действие в ней обитающей благодати Божией, обнаруживающейся в разных благодатных действиях и чудесах.

Возвеличивая Римско-католическую Церковь пред Православной, Соловьев прилагает к той и другой Церкви народную легенду о Кассиане и Николае Чудотворце.

По смыслу этой легенды, память Кассиана празднуется через три года на четвертый потому, что он, боясь выпачкать свои одежды в грязи, не помог крестьянину вытащить его застрявший воз. Наоборот, память о Святителе Николае совершается два раза в году потому, что он, не боясь выпачкать свои одежды, помог крестьянину вытащить его воз из грязи.

Под Кассианом Соловьев понимает Восточную Церковь, а под Николаем — Западную Церковь.

По мнению Соловьева, «Западная Церковь», верная своему апостольскому призванию, не побоялась погрузиться в грязь исторической жизни. В течение долгих веков она была единственным началом нравственного порядка и умственной культуры среди варварских народов Европы и принуждена была поэтому принять на себя и весь труд материального управления на ряду с духовным воспитанием этих, независимых по своему духу и суровых по своим инстинктам, народов. Посвятив себя этой тяжелой работе, папство, как святой Николай сказания, думало меньше о своей видимой чистоте, чем о действительных нуждах человечества. Восточная Церковь, с своей стороны, в своем пустынноническом аскетизме и своем созерцательном мистицизме, в своем удалении от политики и всех общественных задач, затрагивавших человечество в его целом, желала прежде всего, как святой Кассиан, достигнутьрая без единого пятна на свой хламиде. Там хотели приложить все божеские и человеческие силы к вселенской цели; здесь вся забота была лишь в том, чтобы сохранить свою чистоту. Вот коренное различие и наиболее глубокая причина разделения между обеими церквями.

Дело в различном идеале самой религиозной жизни. Религиозный идеал Христианского Востока и его отдельности не ложен, но он не полон.

Для восточного христианства религия, вот уже тысячу лет, как отождествилась с личным благочестием, и молитва признана за единственное религиозное дело.

Западная Церковь, не отрицая возможности индивидуального благочестия, как истинного зачатка всякой религии, хочет, чтобы этот зача-

ток развился и принес плоды в общественной деятельности, направленной во славу Божию на всеобщее благо человечества. Восточный человек молится, западный человек молится и работает. Кто из двух прав? (стр. 77—84).

Разумеется, ссылка на легенду носит слишком фельетонный характер и нельзя признать удачным сравнение с Западной Церковью... Она осуждается не за то, что запачкала в грязи свою одежду: грязь внешняя, прилипшая на работе, никому не пойдет в упрек, а за то, что пользуясь положением и нуждою крестьянства, она «вытащила воз и потянула его на свой двор, в свою пользу».

В самом деле, разве не это желание воспользоваться чужою бедою было причиною борьбы Рима с греческим обрядом и славянским богослужением в славянских окатоличенных землях? Разве не то же было в борьбе Рима с Греческой Церковью при взятии Константинополя крестоносцами, или при завоевании Палестины ими же? — В первом случае воз был увезен ко двора папскому, а в последних двух случаях вступились хозяева, и возы отбили у папы. Да, папство было бы великим установлением и оказало бы великую услугу человечеству, если бы действовало на Западе во имя чистой идеи Христовой, незапятнанной эгоизмом и притязаниями на земную власть. К величайшей скорби человечества, этого не случилось!

Второе средство для распознавания истины и обличения лжи дано нам св. апостолом Иоанном Богословом.

«Всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога. А всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога» (1 Иоан. 4, 1—4).

Католическая Церковь одинаково с нами исповедует Христа во плоти пришедша, но в понимании тайны нашего спасения во Христе она значительно рознится с нами. В ее учении дух лжи омрачил и извратил ту сторону этой тайны, которою она непосредственно соприкасается с деятельностью пастырей и жизнью пасомых. Она верует во Христа, но, закрывая Его Божественный лик лицом полновластного на земле Его наместника — папы, отнимает спасительную силу от этой веры. Папа всегда стоит посредником между Христом и Церковью; церковь верует его верою, живет и действует исходящею от него благодатию. Вследствие этого у католиков вместо свободного и сознательного убеждения в истине — внешнее успокоение на мнимом авторитете верховного и непогрешимого учителя веры. Папа судит всех, а сам судим быть не может. Он лично непогрешим и выше Вселенских Соборов. Нетрудно заметить, что этим учением ниспровергается существующий порядок отношений между пастырями и пасомыми. Однако Соловьев, защищая главенство папы в Церкви, не замечает этого противоречия во взгляде между Восточной и Западной Церквами на вопрос о взаимных отношениях пастырей и мирян и об отношениях тех и других ко Христу. Поэтому он довольно фанатическими разглагольствованиями пытается убедить своих читателей в правоте своих папистических взглядов.

Богочеловек, — пишет Соловьев, — принявший смиренный вид в своем воплощении, не желал и человеческим обществом управлять прямо, своим божественным могуществом, но предпочел употребить, как обычное посредство своего социального воздействия, форму единства, уже существующую в роде человеческом, — всемирную монархию, — и именно в Риме, заменив династию Юлия Цезаря, верховного первосвященника и бога, династиею Симона Петра, Верховного Первосвященника и слугителя слуг Божиих (стр. 235). Христос не Сам управляет видимою Церковью, но чрез апостола Петра; бессмертный дух сего блаженного

апостола служит невидимым орудием Господа в управлении Его видимой Церковью». «В Петре Господом сложена вся сумма всей верховной вселенской власти. Посему, как Сам Христос остается таинственным камнем Церкви, — так Петр в своих преемниках — вторым камнем собственно социального христианства».

Рассуждения Соловьева о главенстве папы находятся в полном противоречии с учением св. ап. Павла о Церкви в послании к Ефессянам. Здесь апостол ни слова не говорит о каком-либо единовластительстве в Церкви: «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и чрез всех и во всех нас (Еф. 4, 5—6). Апостол упоминает далее о лицах, которым вверено управление Церковью, — и ничего не упоминается о единовластии. (Еф. 4, 11—16).

Соловьев мыслит о папе так, как мы можем мыслить только о Христе, низводя на папу такие черты, какие, по нашему учению, приличествуют только Христу. Он рассуждает, что для Вселенской Церкви необходимо лицо, которое было бы носителем вселенской объективной истины, — лицо, которое бы представляло собою все человечество, и с которым потому мы согласовали бы свою личную волю, в котором бы могли любить все человечество».

По нашему православному учению, таким лицом есть и может быть только Христос, а по Соловьеву — только папа. Такое учение есть прямое отрицание главенства Христова, живой веры в Него и спасительной любви к Нему. Замена Христа папами, якобы орудиями Христовыми в управлении Церкви, является по существу дела прикрытым неверием.

Соловьев как-будто и исповедует Христа во плоти пришедша, но на самом деле обнаруживает такое превратное направление мыслей, которое может иметь своим началом только духа лжи и обольщения.

Третьим средством для отличия истины от заблуждения служит непрерывность церковного предания и проверка на нем того или другого вероисповедания.

Сущность этого правила выражена в известных словах Викентия Лиринского: «Мы содержим и верим в то, что признавалось всегда, везде и всеми».

С точки зрения этого древневселенского правила неправота Римско-католической Церкви открывается ясно и неопровержимо.

Хотя она и сохраняет непрерывность апостольского рукоположения, но в своем учении, в своей дисциплине и церковной практике она нарушила вселенское предание и носит неоспоримые признаки новизны, ибо она сложилась, как особая церковь, после разделения Церквей.

Так, учение о главенстве папы начинает зреть со времени образования второй столицы Римской империи Константинополя, заявляет себя, как система церковного абсолютизма, в лице папы Николая I, во второй половине IX в. (что и дало повод к первому столкновению римской кафедры с константинопольской, оставшейся верною вселенскому преданию), и, наконец, в лице Иннокентия III (1198—1216) достигает вершины своего развития. Учение Filioque, связываемое с именем блаженного Августина, получило начало в Испании в VI в., затем в начале IX в. переносится во Францию (Карлом Великим), а в начале XI в. (в 1014 или 1015), под давлением германского императора вводится в употребление в самом Риме и становится догматом Римско-католической Церкви. Опресноки, которые некогда употреблялись еретиками, а потом аполлинаристами, стали входить в обычай приблизительно за 100 лет до времени возникших по поводу их споров и в половине XI в. послужили причиной окончательного разделения Церквей; celibат, за который особенно горячо стояли в Северной

Африке (см. 4 пр. Карф. собора), вводится в закон Григорием VII в конце того же XI в. Обливательное крещение вместо погружательного, причащение под одним видом хлеба и лишение мирян чаши, учение об очищении, об удовлетворении и индульгенциях — все эти подобные особенности Католической Церкви суть прямое порождение темных веков. В то же время в южной Галлии положено начало догмату о непорочном зачатии, получившему свое утверждение в новейшее время (1854). К тому же времени относится начало учения о непогрешимости папы, которое при содействии иезуитов получило окончательное утверждение на Ватиканском соборе (1870). Таким образом, все особенности Римской Церкви, которыми она отличается от Восточной, сложились из местных преданий, в середине века, вне связи с Восточною Православною Церковью. Причем, как всегда бывает у раскольников и еретиков, исключения прежней жизни ставились в закон, а что прежде было законом, становилось исключением или совсем запрещалось. Так, например, обливательное крещение в древней Церкви допускалось, как исключение, только для больных, а погружательное было законом; а в Католической Церкви, наоборот, погружательное сделалось исключением, а потом и совсем вышло из употребления, а обливательное обратилось в закон.

Вот это-то притязание частных преданий Римско-католической Церкви и составляет неоспоримый и неотразимый признак ее неправоты. Почему она, как церковь частная, но с притязаниями, несправедливыми и называется церковью папистическою, подобно тому, как исповедание, происшедшее от Лютера — лютеранским, а реформатское — кальвинским. По поводу всех этих новшеств папизма Восточные Патриархи в «Окружном послании» изрекли свой суд: «Когда нововведения, следуя одно за другим, овладели самим старейшим Римом, тогда они, приобретши знаменитость в церкви, облеклись отличительным именем папизма... Римские епископы, отсекая себя такими нововведениями от прочаго древняго и истинно христианского общества, еще старались не без постыдных ухищрений, — как передает нам неложная история, — увлечь за собою в отступничество от православия и остальные четыре патриархии и поработить таким образом Соборную Церковь «хотениям и влияниям человеческого» (Окруж. посл., 9—11 стр.).

Для Соловьева этот суд Восточных Патриархов ничего не значит. Вопреки Свящ. Писанию, Свящ. Преданию и древней церковной истории он стремится обосновать догмат о главенстве папы. Соловьев не хочет понять, что отступничество папизма от древневселенских традиций Православной Церкви с неизбежностью приведет его к разрушению. С папизмом будет то же, что будет со всяким садом, «его же не насади Отец небесный». В своем «Окружном послании» Восточные Патриархи пишут: «Из ересей—был некогда арпапизм, а теперь—папизм. Но и сей последний, хотя доньше еще в силе, не превозможет до конца, а преидет и низложится в великий глас небесный возгласит о нем: низложен» (Апок. 12, 10).

Для обоснования своего учения о главенстве папы, Соловьев ссылается на то почитание, какое было оказано папе Льву I отцами 4-го Вселенского Собора.

Совершенно верно, в свое время отцы Халкидонского Собора с восторженными похвалами приняли исповедание св. Льва, но эти похвалы заявлены были после того, как особая комиссия, состоявшая из 200 мудрейших отцов Собора, рассмотрела означенное исповедание, и по букве, и по смыслам и представила письменное удостоверение в том, что оно православно. Только после этого удостоверения, а никак не потому, что то было послание папы, отцы

воскликали: «Это вера отцов! Это — вера апостольская! Это говорит Петр устами Льва» и т. д. в этом роде.

Когда папа Пий XI в переписке с Восточными Патриархами сослался на Четвертый Вселенский Собор, то они в своем «Окружном послании» ответили: «Если его блаженству и теперь будет угодно прислать что-либо такое, что 200 отцов по исследовании и обсуждении найдут согласным с прежними соборами, то и теперь, говорим мы, он может услышать и от нас грешных не только слова: «Петр сказал это», или что другое уважительное, но и такие слова: «Да облобызается святая рука, обтершая слезы Соборной Церкви» (стр. 31—32).

В момент написания своей книги: «Россия и Вселенская Церковь» Владимир Соловьев настолько был загипнотизирован идеей о главенстве папы, что он совершенно лишился критического отношения к аргументам папистов. Он или слепо им доверяется или же отдает свой большой публицистический талант на то, чтобы так или иначе отстоять папистическую аргументацию. Это заметно, например, при обсуждении вопроса: каким образом власть ап. Петра переходила и переходит на римских епископов? Как объяснить восстановление власти, погасающей со смертью каждого папы?

В самом деле, в Церкви установлены св. таинства, как видимые средства для сообщения благодати Св. Духа верующим, установлены и священные лица, как совершители таинств; все посвящения в разные степени священства совершаются богоустановленным порядком через рукоположения и молитвы. Каким же образом случилось, что для единственной, исключительной, основной степени священства — для посвящения папы и для сообщения ему чрезвычайных полномочий не существует никакого установления, никакого таинства, никакого внешнего знака и никакого посредства?

И вот Соловьев на этот чрезвычайно важный вопрос отвечает замечанием, что этот вопрос — второстепенный и относится только к чисто человеческой стороне Церкви. Конечно, Соловьев отделяется этими фразами общего характера потому, что он не знает, что ответить на данный вопрос.

Все дело в том, что папы, поставив себя выше Соборов, нарушили апостольское учение о Соборе, как высшей церковной власти, и тем самым узурпировали не принадлежащую им в Церкви власть. Паписты и Соловьев должны признать, что если бы действительно Сам Господь установил единоличную верховную власть, то Он установил бы и необходимое для того таинство.

Четвертое средство для обличения заблуждения мы имеем в самых заблуждениях. Дело в том, что анализ всякого рода ересей и расколов обнаруживает две особенности в каждом вероисповедании лжеучения: во-первых, **исключительность**, и, во-вторых, **софизм**. Сейчас мы объясним, как это нужно понимать.

Каждая секта или раскол отличается тем, что на одном каком-либо пункте его вероучения сосредоточивается вся сила его внимания. Во всей системе религиозных упований данный пункт приобретает характер исключительности. Так, ересь Ария заключалась в одном изречении: «Сын сотворен, а не рожден. Господь создал Меня в начале путей Своих».

В учении папистов с формальной стороны исключительным пунктом служит учение о главенстве папы, а с материальной — Filioque; эта исключительность есть своего рода *болезнь духа*. Под ее влиянием лжемудруствующие, «имея уши слышати, не слышат, и имея очи видети, не видят». Нередко эта исключительность становится фанатиз-

мом, т. е. слепую ревностью по лжеучению, с нетерпимостью к чужим мнениям.

Соловьев в своей книге: «Россия и Вселенская Церковь» проявляет именно исключительность в оправдании папизма. Он утверждает, что новшества Римско-католической Церкви не осуждены судом Вселенской Церкви и русским православным народом. Между тем все Восточные Патриархи в «Окружном послании» категорически в свое время заявили: «Папизм низвернул весь древний апостольский чин совершения почти всех таинств и всех церковных учреждений, — чин, который содержала древняя церковь римская, бывшая тогда честнейшим членом святой соборной и апостольской Церкви» (стр. 4—8).

Что касается отношения русского народа к латинству, то неужели Соловьев забыл о том, какой героизм проявил русский народ при защите своей православной веры от натиска католичества при Александре Невском, в Галиции при кн. Романе и массовом устремлении унiateв к соединению с Восточной Православной Церковью (1.600.000 чел.) при Екатерине Великой.

Вторая особенность еретических лжеучений заключается в софизме. Под этим словом мы разумеем те *свойства, приемы и характер, мышления*, какие обычно свойственны еретикам и раскольникам. Известно, ложь нельзя доказать и потому лжеучители прибегают к особой изворотливости в мышлении и к искусственности в построении доказательств.

Во время диспутов с сектантами обнаруживается их софизм нижеуказанным образом: 1) своеобразное толкование Свящ. Писания и Предания, намеренное уклонение от уразумения общего духа Писания и контекста речи; 2) смешение приемов богословского мышления с приемами мышления философско-софистического.

Паписты в этом отношении не составляют исключения. А Соловьев в своей книге показал себя ярким последователем всей той казуистической изворотливости, какая присуща католическим богословам и полемистам. Его сочинение отличается произволом в решении спорных вопросов, самоуверенностью тона, резкостью суждений и приговоров и патетическими оборотами речи.

Путем софистики Соловьев пытается доказать, что единая видимая Церковь на земле должна иметь и единую видимую главу, т. е. папу.

В первой части автор критикует состояние Православных Церквей и Русской, в частности, во второй говорит об установлении видимого главенства на земле в лице св. ап. Петра. В третьей он делает попытку, — как он выражается сам, — связать Троицу Божественную с троицею социальной, т. е. раскрыть ту мысль, что единовластительство во Вселенской Церкви вытекает как из порядка жизни божественной, так и из порядка жизни мировой и человеческой. Развитие мыслей в этой части ведется исключительно путем диалектическим. Начав с понятия о единстве, автор вводит в ряд своих мыслей учение о Св. Троице, о сотворении мира, о приготовлении рода человеческого к принятию Мессии, о самом Мессии, о трояком служении в Церкви — священническом, царском и пророческом, о первенствующей важности священнического служения и, наконец, о таинствах: крещения, миропомазания, причащения и елеосвящения. Здесь встречается много мыслей странных, напоминающих собою забытые измышления гностиков первых веков христианства (таковы мысли о хассе и душе мира, о высших силах, о противоборстве адских сил Богу в творении мира). Преобладающий в сочинении прием мыслить не о том, что нам дано в действительности, а о том, *что и как должно быть*, напоминает философию схоластиков и общий прием латинских богословов. Главный вывод всего сочинения заключается в:

следующих словах: «Религиозное общение и нравственная солидарность трех верховных властей — священнической, царской и пророческой, под абсолютным приматством вселенского первосвященства — это есть верховный закон, конечный идеал социального христианства».

В увлечении Соловьева догматом о главенстве папы в Церкви чувствуется какой-то психопатологический уклон. Он настолько был им захвачен, что один раз (16-го февр. 1896 г.) даже исповедывался и причащался за униатской обедней. Но вскоре он уже стал отходить от католичества и критически относиться к нему.

В своей брошюре: «Владимир святой и христианское государство, и ответ на корреспонденцию из Кракова» (изд. «Путь», М., 1913) и других позднейших произведениях он уже высказывается о католичестве следующим образом: «Папство допустило искажение того церковного единства, которому оно призвано служить... Средства, которыми располагает Церковь для борьбы с врагами церковного единства, суть вразумление, обличение и, наконец, запрещение. Между тем Западная Церковь, поняв единство чисто внешним образом, обратилась для достижения его к мирским средствам: тюрьме, пытке и кострам.

Распространение христианства мечем рыцаря и оберегание папского авторитета и церковного единства заревом священных костров и всеми ужасами инквизиции обнаруживали скрытое *неверие* в истину Христову, так как она не нуждается во внешних средствах для своего торжества. Это *неверие*, сначала незаметным зародышем скрывающееся в католичестве, впоследствии явно обнаруживается в иезуитстве — крайнем и чистейшем выражении римско-католического принципа, движущим началом которого становится уже прямо властолюбие, а не христианская ревность: народы покоряются не Христу, а церковной власти, от них уже не требуется действительного исповедания христианской веры, а только признание папы и подчинение церковным властям. Здесь христианская вера оказывается случайной формой, а суть и цель полагается во владычестве иерархии.

Итак, ложное понимание единства Церкви, составляет **первую неправду папизма.**

Вторая его неправда — искажение истинной теократии, извращение нормальных теократических отношений между преосвященнической и церковной властью... Западная Церковь из воинствующей обращается в *воюющую*. Это вынуждало пап опускаться еще ниже: обратиться к обычным мирским средствам борьбы за свое право: *дипломатии, интригам и войнам.*

Таким образом, папская власть, по целям и средствам борьбы, стала в один уровень с мирской властью, и Церковь превратилась в одну из мирских сил.

Западная Церковь обмирщилась. Папство своими светскими притязаниями не только не усилило своего обаяния, а, наоборот, — унизило его и себя. Наряду с этим внутренним, нравственным унижением произошло фактическое внешнее унижение и позор папства, которое лишилось не только мирской власти, но и духовной самостоятельности. Именно тот самый папа (Бонифаций VIII), который с особенным увлечением провозгласил себя обладателем не только духовного, но и вещественного меча, — именно он, разбитый и плененный войсками прежнего союзника, французского короля, получил ту знаменитую пощечину, которая оказалась предвестием Авиньонского пленения пап. «Государь государей» стали послушными орудиями одного из своих мнимых вассалов.

К таким печальным для себя выводам пришел незадолго до своей смерти автор книги «Россия и Вселенская Церковь».

Осознав антихристианскую и моральную сущность папизма, Соловьев бесповоротно рвет свои отношения с католичеством и, как блудный, но раскаявшийся сын, прибегает под покров своей родной Матери, Русской Православной Церкви. Об этом событии в жизни В. С. Соловьева в «Московских ведомостях» (1910 г., № 253 от 3 ноября) напечатано сообщение свящ. С. А. Беляева: «Лето 1900 г. князь Е. Н. Трубецкой не жил в Ускове, а жил там покойный брат его С. Н. Трубецкой, впоследствии ректор Московского университета, друг В. С. Соловьева. Сюда к нему и приехал в июле погостить Владимир Сергеевич, который был уже больной. И вот как-то вечером приходит ко мне человек от Трубецких с просьбой от Сергея Николаевича отслужить на другой день Литургию, после нее притти и причастить Владимира Сергеевича. На другой день, в конце утрени, пришла нянька Трубецких с просьбой исповедать больного до обедни. Отслужив утреню, я отправился в дом Трубецких. В передней встретил меня сам князь Сергей Николаевич и, повторив просьбу больного, спросил меня: «Знаю ли я его?» Я ответил, что не знаю.

Вслед за этим князь ввел меня в кабинет, где на диване лежал Владимир Сергеевич, и познакомил с ним. Исповедался Владимир Сергеевич с истинно-христианским смирением. Я прочитал над ним разрешительную молитву и пошел в церковь служить обедню. Отслужив обедню, я пришел к Владимиру Сергеевичу и причастил его Св. Таин. При этом присутствовали кн. Сергей Николаевич и супруга его Прасковья Владимировна».

Итак, возвращение В. С. Соловьева из католичества в православие сильнее всякой критики убеждает каждого в том, что он в конце своей жизни, после долгих колебаний, убедился в неправоте своих тех католических воззрений, какие в свое время изложил в своей на шумевшей книге: «Россия и Вселенская Церковь». — Любовь к Родной Матери, Русской Православной Церкви, помогла ему в конце концов осознать всю ложь и патубность папизма.

Е. Г.

ПРОФЕССОР ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ГЕОРГИЕВСКИЙ

14 февраля 1948 г. от паралича сердца на 82 году жизни в Москве скончался профессор книговедения Григорий Петрович Георгиевский.

Григорий Петрович Георгиевский родился 31 июля 1866 г. в семье священника села Глинки, Смоленской губернии, Гжатского уезда. Низшее образование он получил в Вяземском Духовном Училище, среднее — в Смоленской Духовной Семинарии. В 1886 г. он окончил Духовную Семинарию со званием студента и, как лучший студент своего курса, был отправлен на казенный счет в Петербургскую Духовную Академию, в которую и был принят на казенную стипендию, и на этой стипендии он и пробыл все четыре академических года. В Академии кроме общеобязательных предметов он специально проходил предметы первой группы (словесной), из языков древних проходил греческий язык, а из новых — английский. На четвертом курсе он подготовил диссертацию на тему: «Христианство в понимании русских людей в домонгольский период по памятникам книжной и народной литературы». За это сочинение он был удостоен звания кандидата богословия с правом получения степени магистра богословия без нового испытания.

Как привыкший еще в Академии иметь дело с рукописными памятниками древней Руси, а затем, как часто посещавший публичную Петербургскую библиотеку, Григорий Петрович по окончании академического курса в сентябре месяце начал свою службу в звании дежурного чиновника при читальном зале, бывшего Московского публичного Румянцовского музея (ныне Ленинской библиотеки), а через два года он получил в этой же библиотеке звание помощника хранителя Отдела рукописных и славянских старопечатных книг Московского публичного Румянцовского музея. На последней работе, такой близкой его сердцу, он, со служебными повышениями, оставался до самой своей смерти. В 1936 г. он получил звание профессора книговедения.

Начав свою работу в бывшем Румянцовском музее, Григорий Петрович Георгиевский тут же начал и свою литературную работу. С 1890 г. его статьи по вопросам истории и современной жизни помещаются в разных московских изданиях, особенно в «Московских ведомостях», «Русском слове», «Чтениях в обществе любителей духовного просвещения», в «Московских церковных ведомостях» и др. Скоро же появились отдельными изданиями его книги под заглавием: «Апокрифическое сказание» (полемика с Лесковым), «Христианство в понимании русских людей в домонгольский период по памятникам книжной и народной литературы» (кандидатская диссертация), «Праздничные службы и церковное торжество в старой Москве», «Завет Преподобного Сергия» и др.

С 1894 г. он был участником составления «Приходской библиотеки» и состоял членом редакции «Русское слово».

Григорий Петрович до самого последнего времени, как недюжинный знаток древнерусской жизни, своей досуг посвящал очеркам древнерусской церковной жизни, став постоянным сотрудником «Журнала Московской Патриархии». Читателям нашего церковного журнала известно имя Григория Петровича, как тщательно изображавшего по древнерусским памятникам те или иные моменты русской церковной жизни. Но особенно хочется здесь сказать несколько слов о его почти предсмертном очерке под заглавием «Берегите книги» (1947, № 9). Это не просто урок, какой дается детям, но укор всем нам, что мы не умеем так бережно относиться к церковным книгам, как относились наши предки, которые из глубины веков, оставшись от древности верными церковным книгам, учат нас благоговейному любовному отношению к церковным книгам. Настоятели церкви должны вчитаться в эту маленькую статью профессора Георгиевского, показать самим пример должного отношения к церковным книгам и учить псаломщиков и чтецов такой же бережливости в отношении к ним.

Но все это, так сказать, показная сторона жизни покойного Григория Петровича. Гораздо важнее та сторона его жизни, в которой он обнаруживал свою искреннюю любовь к Церкви Христовой. И не о том только мы говорим, что он неопустительно по праздникам и воскресным дням посещал церковные службы, но хотим сказать, что в его любви к Церкви Христовой было больше, чем простое посещение служб церковных. Избав по окончании академического курса своею специальностью исследование древнерусской, преимущественно церковной письменности, он вместе с тем становится и законоучителем церковных школ, сначала при Вознесенской церкви, что у Серпуховских ворот, а затем и монастырской школы при Высоко-Петровском монастыре. А в революционное время Григорию Петровичу выпала на долю особая работа, которая должна остаться в памяти у всех, кто радуется возрождению у нас церковной жизни.

Григорий Петрович был по Петербургской Духовной Академии однокурсником Святейшему Патриарху Сергию. Когда Владыка Сергей стал Местоблюстителем Патриаршего престола и, получив титул Митрополита Московского, начал жить в Москве, то здесь у Григория Петровича установились с почившим Патриархом не просто товарищеские отношения, но Митрополит Сергей, зная своего академического товарища, как серьезного знатока древнерусской церковной жизни, книговеда и искреннего любителя церковного просвещения, пользовался его знаниями в тех или иных делах своего церковного управления.

Покойный Григорий Петрович, как верный сын Православной Церкви и воспитанный еще в Академии во взглядах о превосходстве в церковной жизни Патриаршего управления, глубоко радовался, когда Митрополит Сергей стал Патриархом всея Руси. Глубокая дружба Григория Петровича с покойным Святейшим Патриархом продолжалась до самой кончины Святейшего Сергия. И после смерти Патриарха Сергия он продолжал работать во благо Святой Церкви.

Как известно, после кончины Святейшего Сергия в высших церковных сферах создалось желание произвести выборы нового Патриарха в самой торжественной и канонически строгой обстановке. И Григорию Петровичу предложено было в «Журнале Московской Патриархии» подготовить общественное и особенно церковное мнение о полной каноничности и необходимости для Русской Церкви именно Патриаршего управления, и он в ряде статей («Первый Патриарх Московский», «Патриархи Московские» и «О составе Поместного Собора» (1944, №№ 8, 9, 10);

блестяще показал, что именно Патриаршее управление искони было дорого русскому народу, и что восстановленное в 1917 г. Патриаршество сразу же было принято русским народом, как светлая заря обновляющейся русской церковной жизни.

Уже ослабев в своих физических силах, Григорий Петрович, будучи членом Поместного Великого Российского Собора 1945 г., радостно приветствовал в своем выступлении на Соборе обновление церковной жизни в России. Участвовал он, как член Собора, в избрании нашего Святейшего Патриарха Алексия. Не прерывал он до самого последнего времени общения ни с Патриархией, ни с Редакцией нашего журнала.

В лице покойного профессора Георгиевского, Русская Православная Церковь лишилась одного из верных своих сыновей.

Да примет Господь душу верного раба Своего в Свои райские небесные обители. Вечная ему память!

Варфоломей, Архиепископ Новосибирский и Барнаульский

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Не могу молчать.

ОТВЕТ АМЕРИКАНСКИМ КЛЕВЕТНИКАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(Из письма схиигуменни Евгении от 15/28 ноября 1947 г. Иерусалим)

В одном печатном эмигрантском органе появилась статья под заглавием: «Не разлагайте и не разрушайте нашу Православную Церковь», в которой автор пишет: «Современные политические обстоятельства настойчиво требуют быть подальше от Москвы, что с очевидностью учитывается нашим первосвятителем митрополитом Феофилом».

Пробегаю с отвращением страницы этого органа и задавая себе вопрос, что вызвало истерически бранные выступления против Московской Патриархии, выступления такие циничные, подобно которым я никогда ни в какой прессе не встречала, я нисколько, однако, не имела в виду вступить в полемику, ибо на голословную брань обращать внимание, а тем более возражать — недостойно, особенно, когда дело касается нашей Святыни — Православной Церкви.

Но неожиданные разъяснения в этом органе ярко осветили суть возникшей в ней разрухи и причину ярых выступлений против Московской Патриархии.

Мы, чада Московской Патриаршей Церкви, молчать больше не можем и не смеем, когда наша Матерь-Церковь подвергается грубейшему надругательству. Не могу молчать и я схимница. Ведь не молчали же наши великие Отцы пустынножители, когда Святая Православная Церковь подвергалась гонениям и преследованиям еретиков. Теперь причина ясна. Этот орган горстки русских беженцев никак не может отделить представление о задачах Церкви от политики и своим политическим идеалам приносит в жертву Святую Православную Церковь.

Этот орган не хочет признать того громадного сдвига, который совершен в Русской Церкви достойнейшими Первосвященителями: Патриархом Сергием и Патриархом Алексием.

Этот орган иронически заявляет, что восстановлена только незначительная часть приходов и церквей в России, забывая, что делателям на ниве церковной приходится трудиться в стране, опустошенной теми варварами, которых орган этой группы считал друзьями, спасителями России от большевизма, наивно предполагая, что завоеватели вернут им Родину в их распоряжение.

Сторонники этого органа забывают и не хотят учитывать, что, когда многие, в том числе и их епископы, бежали из России и из «прекрасного далека» критиковали церковные дела в России, Митрополит Сергей,

архиепископ, ныне Патриарх, Алексий, и их сотрудники остались в своем отечестве, разделяя с русским народом все страдания, лишения и смертельные опасности, ибо по слову Спасителя, настоящие пастыри не покидают своего стада, а наемники бегут.

В этом органе имели наглость заявлять, что Святейший Патриарх Алексий ввел разложение всюду, куда ездил, упоминая даже Святую Землю.

Я, живущая в Иерусалиме, свидетельница того, какое обаятельное впечатление произвел наш Первосвященитель на все население Палестины, не говоря о Патриархии, где от Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Тимофея до последнего послушника, все до сих пор вспоминают благолепие его служения, глубочайшее его благочестие и неподдельное смирение. Его горячо полюбили, и все мечтали о вторичном его приезде. Сослужившее ему греческое духовенство говорит, что такого благоговейного, проникновенного служения, оно, выдавшее многих иерархов, никогда не видело.

В позорной позиции Святейшему Патриарху Алексию в Иерусалиме были, к стыду сказать, только иеромонахи, бывшей духовной русской миссии Карловацкого толка, которым за постыдное выступление против Главы Русской Церкви Иерусалимский Патриарх запретил служение у Живоносного Гроба Господня и в других Святых местах.

Такими же общими симпатиями и глубоким уважением прониклись палестинцы по отношению к Митрополиту Николаю, равно как и к почтеннейшему старцу Митрополиту Григорию.

Мы, познакоившиеся с Митрополитом Григорием — этим редким по своим духовным качествам иерархом, принимаем как личное оскорбление то глумление, которому подвергся в Америке он, приехавший туда, как почетный гость, как представитель Главы Русской Церкви Святейшего Патриарха Алексия.

Клеветники кричат, что Московская Патриархия хочет попрасть права Автономной Американской Церкви, смешивая понятия об автономии и об автокефалии и требуя фактически именно последнюю для бесконтрольного управления церковными делами.

Клеветники не замечают, как за долгие годы церковной смуты в Америке, оторвавшись от Матери-Церкви и не руководимые Ею, их группа мало-по-малу теряла облик православия.

По их словам до них доходят вопли из Советской России по поводу положения Церкви. Я же могу засвидетельствовать, что до нас доходят вопли русских людей переселившихся в Америку, вопли потому, что они не узнают там нашей исконной Русской Православной Церкви, ибо в ней уже вкоренились налеты чужеземные, протестантские.

Клеветнические нападки и выступления против Матери-Церкви и ее Первосвященителя, отход от Церкви, раскол, — как богопротивные действия, основанные к тому же на честолюбии и политических расчетах, не принесут отколовшейся группе Американской Церкви никаких благотворных плодов. Русская Православная Церковь должна быть единая под омофором Ее Первосвященителя ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ.

Отклонившиеся от нее рано или поздно погибнут, как розга, отсеченная от лозы виноградной.

Отколовшаяся группа митрополита Феофила разрывает хитон Христов, «Мне отмщение, и Аз воздам» говорит Господь.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В г. КУРИГА (МАРОККО)

В Северной Африке, в древней Церкви было много епархий, в которых кипела напряженная церковная деятельность. В IX в. после нашествия варваров на месте величественного здания церкви остались одни руины. Все покрыто травой забвения. Но дух христианства жив. У горных берегов сохранилась традиция татуировать на лбу знак креста; а женщины носят украшения на подобие крестиков. За последние двадцать пять лет французского протектората в городах Марокко стали отстраиваться католические храмы. Наши единоверцы — греки, лишь недавно, построили храм в г. Казабланке. Русские стали прибывать в Марокко с 1922 г. В настоящее время их здесь (вместе с легионерами) — до 1700 чел. Они просили Митрополита Евлогия прислать им из Парижа священника. Прибыл о. иеромонах Варсонофий и при содействии местной французской администрации и группы верующих стали создаваться церковные общины. В 1930 г. в г. Куриге был воздвигнут храм во имя Св. Животворящей Троицы. Почти вся русская колония объединилась вокруг церкви и живет мирной трудовой жизнью.

Плато среднего Марокко, на котором расположен городок Курига, имеет 800 м высоты над уровнем моря, а вокруг низменные долины и песчаные поля с массой камней. Городок уютный и благоустроенный. Есть электричество, водопровод, почта, железнодорожная станция, школа, католический храм.

Вдали на юго-востоке виднеется гряда снеговых гор Большого Атласа, где водятся леопарды, кабаны и шакалы. Храм наш в Куриге вмещает до 150 человек, деревянный на каменном фундаменте; пол мозаичный, крыша железная; звонница с двумя колоколами и над нею большой голубой купол со звездами и восьмиконечным крестом. Внутри просторно, светло, чисто; прекрасно исполнена иконопись. Богослужение совершалось прежде ежедневно, а теперь в виду малолюдства прихода настоятель обслуживает все Марокко и приезжает сюда один раз в месяц.

На бескрайних просторах, в глуши далекой Африки, на тех же исторических местах, где с III по VIII столетие возносилась хвала христиан Богу — снова возгорелся свет истинной православной веры.

Небольшой приход в г. Куриге составляет ячейку Вселенской Христовой Церкви, и находится в тесном духовном единении с православными братьями Святой Руси и рассеянными по всей земле ее верными чадами и состоит в юрисдикции Святейшего отца нашего Патриарха Алексия.

Игумен Митрофан

Из жизни наших епархий

Из Ивановской епархии

ЦЕРКОВНОЕ ТОРЖЕСТВО В СЕЛЕ ВОЗДВИЖЕНСКОМ НАВОЛОВСКОГО РАЙОНА ИВАНОВСКОЙ ЕПАРХИИ

1 марта 1948 г. по приглашению Церковного совета для освящения престола в село Воздвиженское прибыл Преосвященный Паисий, епископ Ивановский и Кинешемский. Он был встречен в храме протоиереем М. А. Русовым, прибывшим с ним настоятелем Ивановского Кафедрального собора протоиереем Л. Харламовым, протоиереем Овчинниковым, настоятелем Кинешемского собора А. Троицким и другими членами причта. Всенощное бдение началось чтением акафиста Святителю и Чудотворцу Николаю, в честь которого освящался правый придельный престол.

Храм был переполнен молящимися. Освящение престола началось с 8 часов утра. Литургию и освящение храма совершал Преосвященный Паисий, в сослужении трех священников и трех протоиереев, протодьякона и дьякона.

Владыка Паисий сказал прочувственное слово на тему: «О блудном сыне». Слово Владыки было доступно и понятно каждому стоящему здесь грешнику. Оно рождало в каждом чувство раскаяния, зажигало огонь веры в сердцах.

После божественной Литургии был совершен молебен Святителю и Чудотворцу Николаю.

Так закончилось церковное торжество в селе Воздвиженском.

Протоиерей М. Овчинников

Из Новосибирской епархии

ЦЕРКОВНЫЙ ПРАЗДНИК В СИБИРИ

28 декабря 1947 г. в г. Новосибирске в Вознесенской церкви состоялось освящение нового придела во имя преподобного Серафима Саровского, заново сооруженного усердием верующих. Новый придел, вмещающий около тысячи человек, является украшением всей церкви и по своему объему значительно превышает объем прежнего храма.

Новый иконостас, тщательно сделанный из липы с тончайшей кружевной резьбой, заново написанные иконы в древнерусском стиле, мозаичный пол с искусно подобранными расцветками — все это лишний

раз свидетельствует о глубине и красоте русской души, о духовном рвении и о том, высоком религиозном подъеме верующих нашей страны, какой особенно чувствуется в Сибири.

В назначенный день Высокопреосвященный Варфоломей, архиепископ Новосибирский и Барнаульский, встреченный местным духовенством, прибыл в храм точно к указанному им сроку.

Владыка, облачившись в архиерейское облачение и сопровождаемый духовенством, идет в алтарь нового придела и начинает освящение его. Певчие поют псалмы, а Владыка освящает престол, облачает его и жертвенник в новые облачения. Владыка затем совершает крестный ход вокруг храма и при входе в него останавливается в притворе храма и здесь после троекратного возгласа: «Кто есть Царь славы» раздирает занавес, громко возглашая: «Господь сил, той есть Царь Славы» и входит в новый придел.

После совершения чина освящения Владыка произносит слово, в котором призывает верующих любить новый придел и благодарить Церковный Совет и всех верующих за труды и усердие. Торжество освящения придела заканчивается возглашением многолетия Святейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси, а также и создателям храма сего.

По окончании освящения Владыка Варфоломей совершает в новом приделе божественную Литургию.

Это церковное торжество оставило у верующих неизгладимое впечатление.

Архимандрит Никандр

Из Краснодарской епархии

ТЕЗОИМЕНИТСТВО ЕПИСКОПА ФЛАВИАНА

2 марта 1948 г. в день памяти св. священномученика Флавиана, вся Краснодарская епархия праздновала день тезоименитства Преосвященного Флавиана, епископа Краснодарского и Кубанского.

Накануне, еще задолго до начала всенощного бдения, величественный Екатерининский кафедральный собор был переполнен молящимися. Преосвященный Флавиан был встречен сонмом духовенства. Литию и полиелей во время всенощного бдения совершал преосвященный Флавиан. На следующий день свыше 30 священников вышли из алтаря для встречи Преосвященного архипастыря. Началась торжественная архиерейская служба. По окончании божественной Литургии был отслужен молебен св. священномученику Флавиану. После молебна с приветственным словом выступил благочинный городских церквей гор. Краснодара прот. Н. Бессонов. Он сказал о непрестанной заботе Преосвященного Флавиана о своей пастве, об украшении кафедрального собора. От имени всего духовенства он поздравил Владыку с днем его тезоименитства и преподнес ему архиерейское облачение, мантию и художественной работы жезл. Преосвященный Флавиан сердечно благодарил духовенство и молящихся за любовь и внимание к нему.

Так закончилось торжество тезоименитства любимого всеми архипастыря Преосвященного Флавиана.

**Благочинный церквей Кубанской епархии
священник Л. ЧЕРНЕЦКИЙ**

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Ответ Патриарха Алексия на телеграммы, полученные им ко дню его Ангела	3
Речь Святейшего Патриарха Алексия при вручении жезла новопоставленному епископу Порховскому Владимиру в Никольском соборе г. Ленинграда 7 марта 1948 г.	4

Церковная жизнь

Служение Святейшего Патриарха Алексия в январе—феврале 1948 г.	6
Кончина иерарха	8

Хроника

Назначение на архиерейские кафедры и перемещения архиереев	9
--	---

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Слава	10
-------------------------------------	----

Статьи

Г. Васильев. Благовещение	16
Неогеоргий Александров. Великий Четверг	19
Доц. Н. Муравьев. К 500-летию юбилею автокефалии Святой Русской Православной Церкви (1448—1948)	22
Свящ. Александр Присадский. О необходимости единения с Матерью Русской Православной Церковью	26
Епископ Гермоген. Папство и Православная Церковь	29
Ректор Московской Духовной Академии епископ Гермоген. О книге В. С. Соловьева „Россия и Вселенская Церковь“	38
Архиепископ Варфоломей. Профессор Г. П. Георгиевский (некролог)	48

Из жизни Русских Православных церквей за границей

Не могу молчать. (Из письма схиигуменни Евгении г. Иерусалим) Православный приход в г. Курига (Марокко)	53
---	----

Из жизни наших епархий

Из Ивановской епархии	54
Из Новосибирской епархии	54
Из Краснодарской епархии	55

Издатель:	Редактор:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ	РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ протоиерею А. П. Смирнову—Москва, 34. Чистый пер., 5. Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

13-я типография треста „Полиграфкнига“ ОГИЗа при Совете Министров СССР.
Москва, Денисовский, 30. Зак. 235

Цена 10 руб.